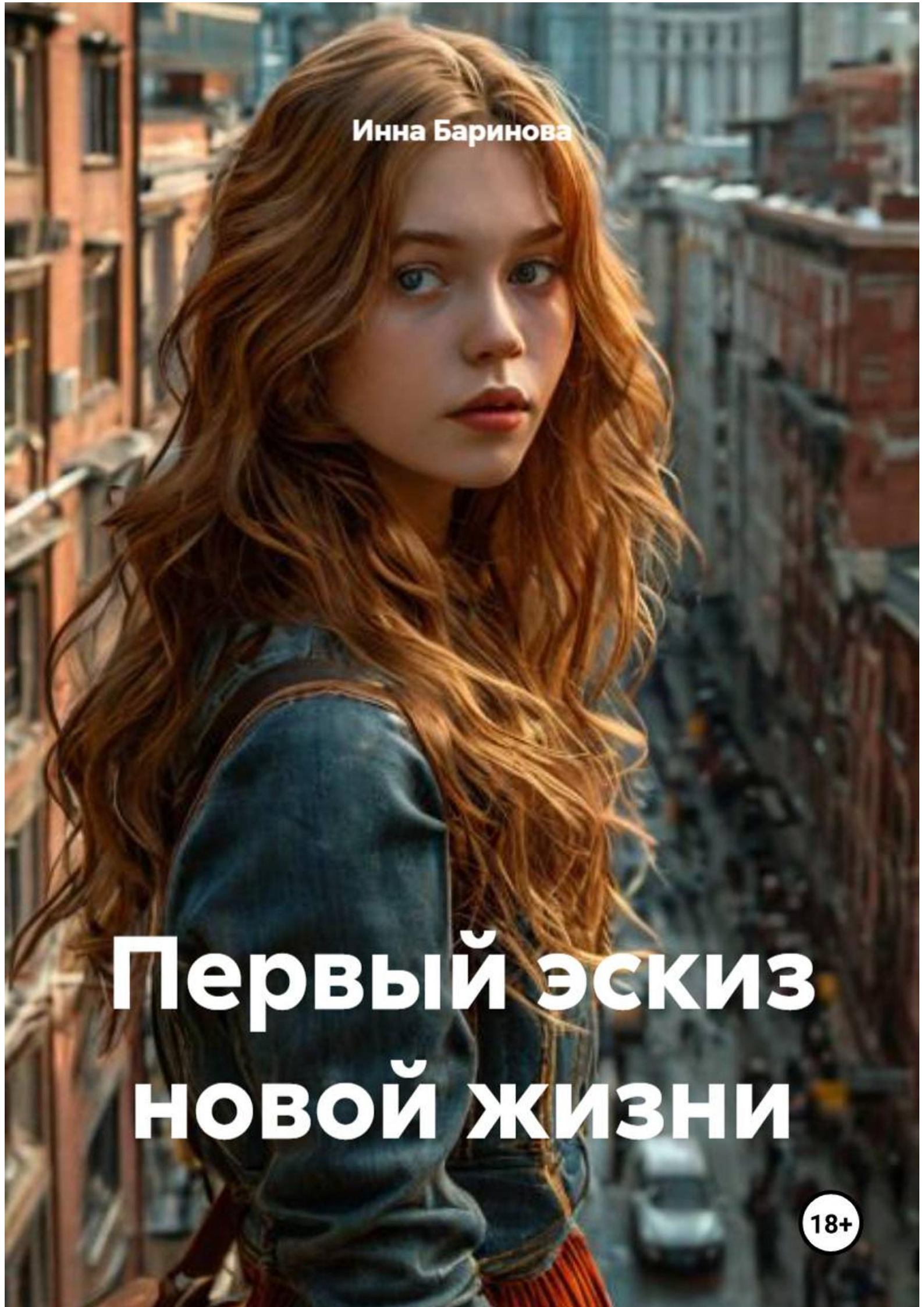

Инна Баринова

Первый эскиз НОВОЙ ЖИЗНИ

18+

Инна Баринова

Первый эскиз новой жизни

«Автор»

2026

Баринова И.

Первый эскиз новой жизни / И. Баринова — «Автор», 2026

История Алисы, девушки, которая, как и многие из нас, решается на отчаянный шаг — уехать из родного города в Москву за мечтой. Где она проходит через настоящий ад адаптации: общежитие, травля, предательство и непонимание. Но именно в этих испытаниях формируется её характер, закаляется дух. Эта история о том как важно оставаться собой в мире, где тебя пытаются сломать, как научиться говорить «нет» и не бояться быть непохожим на других. Я писала эту книгу для тех, кто: знает, что такое переезд в большой город; столкнулся с травлей или непониманием, ищет силы изменить свою жизнь; верит в мечту, несмотря ни на что. Надеюсь, моя история поможет кому-то не чувствовать себя одиноким в своих проблемах, даст силы двигаться дальше и напомним, что даже в самой тёмной ситуации всегда есть свет.

© Баринова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Билет в один конец	5
Глава 2. Общага как она есть	7
Глава 3. Лучница	10
Глава 4. Королева улья	13
Глава 5. Неудачная шутка	15
Глава 6. Парень с параллельного	18
Глава 7. Случайность или закономерность?	21
Глава 8. Социальные сети как оружие	24
Глава 9. Голос молчания	27
Глава 10. Бойкот	30
Глава 11. Сломанная вещь	32
Глава 12. Не тот парень	35
Глава 13. Слухи	38
Глава 14. Изнанка вечеринки	41
Глава 15. Звонок маме	44
Глава 16. Невидимка	46
Глава 17. Случайный союзник	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Инна Барина

Первый эскиз новой жизни

Глава 1. Билет в один конец

Поезд тронулся ровно в 16:42. Алиса стояла в тамбуре, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как перрон медленно уплывает назад. Мама всё махала рукой, хотя её лицо уже превратилось в размытое пятно. Папа стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы старой куртки. Он не махал. Он просто смотрел, как уезжает его дочь.

«Как в кино», – подумала Алиса. Она всегда представляла этот момент иначе. В её мечтах она стояла в красивом пальто (не в этой дурацкой пуховой куртке, которую мама заставила надеть, потому что «в столице ветра такие, ты себе не представляешь»), в руках был букет цветов от подруг, а впереди – новая жизнь, полная блестящих событий.

В реальности подруги не пришли. У Ленки была смена в кофейне, Катя сказала, что заболела, но потом выложила сторис из торгового центра. Алиса не обижалась. Они же обещали писать, обещали приехать в гости на каникулы. Конечно, приедут. Конечно, будут писать. Правда?

Она отлепилась от стекла и пошла искать своё купе. Плацкарт, верхняя полка у туалета. Мама говорила: «Купи хотя бы купе, у нас же деньги отложены». Но Алиса настояла на плацкарте. Ей казалось, что это такая часть «студенческой романтики» – поезда, дорожные разговоры с попутчиками, аромат курицы, которую все достают из пакетов.

Реальность пахла сыростью, старыми носками и дешёвым чаем. Попутчики – скучающая женщина с ребёнком и хмурый мужчина, который сразу отвернулся к стенке. Никакой романтики.

Алиса залезла на свою полку, достала наушники и включила плейлист, который собрала специально для этого момента. Лиричный инди-рок. Музыка для проводов. Она смотрела в окно на проплывающие мимо берёзы, серые домики, полустанки с бабушками, продающими вязки лука. Городок, в котором она прожила девятнадцать лет, остался где-то позади.

Вспомнилось, как утром она зашла в свою комнату в последний раз. Старые обои в цветочек, которые они с мамой клеили ещё в восьмом классе. Стопка книг на тумбочке. Над столом – распечатки с работами её любимых художников. Всё это теперь будет жить без неё.

Мама заглянула в комнату с заплаканными глазами и сунула ей в рюкзак ещё один бутерброд: «В поезде проголодаешься, там цены бешеные». Алиса тогда закатила глаза: «Мам, ну хватит, я не маленькая». Сейчас она достала этот бутерброд, развернула фольгу и откусила кусок. Тёплый хлеб, домашняя колбаса, огурчик. Вкус детства. Вкус дома, который остался там, за окном, за сотнями километров рельсов.

К горлу подкатил ком. Алиса моргнула, прогоняя слёзы. Нельзя. Она же хотела этого. Она сама выбирала этот университет, сама сдавала экзамены, сама прошла бешеный конкурс. Дизайн, столица, новая жизнь. Это шанс.

Она представила, как будет ходить по широким проспектам, сидеть в модных кофейнях с ноутбуком (ноутбука у неё пока не было, но мама обещала купить на стипендию, накопить), как найдёт друзей, умных, интересных, не таких, как Ленка с Катей, которые только и умеют, что обсуждать парней из ПТУ. Новые друзья обязательно будут. Они будут слушать ту же музыку, спорить об искусстве, ходить на выставки. А она покажет им свои работы, и они ахнут: «Алиса, это гениально! Как ты так чувствуешь цвет?» Она улыбнулась своим мыслям и откусила ещё бутерброд.

Поезд мерно стучал колёсами. Где-то в тамбуре закурил хмурый мужик. Ребёнок попутчицы заплакал, требуя мультики. Жизнь текла своим чередом. Алиса достала потрёпанный блокнот, который везде таскала с собой, и начала набрасывать эскиз. Лица за окном. Быстро, углём. Люди на полустанках, провожающие, встречающие. У неё неплохо получалось передавать эмоции несколькими линиями. Потом она перевернула страницу и написала крупно:

«АЛИСА. МОСКВА. НОВАЯ ЖИЗНЬ».

И поставила жирный восклицательный знак.

В наушниках заиграла следующая песня. Та самая, под которую так хорошо мечталось. Она закрыла глаза и представила свою новую комнату в общежитии. Наверное, там светло и чисто. Соседка попадётся хорошая, они сразу подружатся, будут вместе пить чай ночами и обсуждать мальчиков.

Где-то через час, убаюканная стуком колёс, она задремала. Бутерброд так и остался лежать недоеденным на столике внизу. Поезд уносил её всё дальше от дома. Алиса не знала, что это был действительно билет в один конец. Только не в том смысле, о котором она мечтала.

Глава 2. Общеага как она есть

Выхода в метро Алиса не видела из-за чемодана. Он был огромный, старый, с отваливающимся колесиком, и тащить его по бесконечным переходам московской подземки оказалось сущим адом. Мама говорила: «Возьми поменьше», но как взять поменьше, если нужно было запихнуть туда полжизни? Джинсы на все случаи, тёплый свитер, который связала бабушка, постельное бельё, тапочки, кружка, миска, чайник, тушенка про запас («в общеаге с голоду не пропадешь»).

Рюкзак лямками врезался в плечи. Сумка с ноутбуком (старым, маминым, который обещали поменять «как только будут деньги») была по ноге. Пот стекал по спине, хотя на улице был всего лишь сентябрь. К выходу из метро «Университет» она выползла мокрая, злая и с твёрдым убеждением, что Москва её уже ненавидит. Дальше был автобус. Потом ещё один. Потом долгая дорога пешком мимо бесконечных серых высоток. И наконец — оно. Общежитие.

Алиса остановилась и подняла голову. Девятнадцатизэтажная башня из выцветшего бетона. На некоторых окнах — решётки, на некоторых — кондиционеры, кое-где из форточек торчат разноцветные провода. У крыльца курят парни в растянутых трениках, громко смеются и пинают пустую бутылку. Из подворотни с громким мяуканьем вылетел тощий чёрный кот, шарахнулся от Алисы и исчез в кустах.

«Добро пожаловать», — мысленно сказала себе Алиса.

В холле пахло хлоркой, жареной картошкой и ещё чем-то неуловимо кислым. Очередь в гардероб (или куда тут? в бюро пропусков?) змеилась от самой двери. Первокурсники с родителями, огромные сумки, коробки, перепуганные лица.

Алиса встала в хвост. Чемодан с уставшим колесиком жалобно скрипел. Прошло сорок минут, прежде чем она добралась до окошечка. Тётянька с очень усталым лицом и перманентом из 90-х глянула на её документы без тени интереса.

— Пятый этаж, пятьсот двенадцатая. Лифт налево, но он сломанный. Иди пешком.

— Сломан? — переспросила Алиса, косясь на свои пожитки. — А как же...

— Ноги молодые, донесёшь, — отрезала тётянька и протянула ей ключ на железной болванке. — Простыню и подушку получишь на вахте у бабы Зины. Следующий!

Алиса вышла из очереди с чувством, что её только что переехали. Пять этажей с этим монстром-чемоданом? Она посмотрела на лестницу, уходящую куда-то вверх, в серый полумрак, и выдохнула. Ничего. Она сильная. Она справится.

Она справилась. Через сорок минут, когда ноги дрожали, а спина окончательно перестала чувствоваться, она стояла перед дверью с жестяной табличкой «512». Изнутри доносилась музыка. Басы долбили так, что вибрировала ручка двери. Алиса толкнула дверь.

Комната оказалась меньше, чем она представляла. Три кровати, три шкафа, три стола. Узкое окно выходит на стену соседнего дома. Обои — в цветочек, но такие старые, что цветы уже невозможно было разобрать. На полу линолеум в пупырышках. Потолок с подтеками. Но главное — люди.

На кровати у окна развалилась девушка в одних трусах и майке. Красила ногти на ногах в ядовито-розовый и даже не обернулась. На средней кровати сидела другая. У неё в ушах торчали наушники, а на коленях лежал ноутбук. Она что-то быстро печатала и мелко трясла головой в ритм музыке.

Третья койка была пуста. Алисина.

— Эй, — позвала она, пытаясь перекрыть музыку. Никакой реакции. — ДЕВУШКИ!

Та, что с наушниками, подпрыгнула, выдернула один наушник и уставилась на Алису непонимающим взглядом.

— А, новенькая? — лениво протянула та, что красила ногти. Наконец она подняла голову. — Заходи, не стесняйся. Дверь сама закрой, а то дует.

Алиса втащила чемодан и закрыла дверь. В комнате сразу стало душно.

— Я Лиза, — представилась любительница яркого маникюра. Она подула на ногти и покрутила пальцами в воздухе. — А это Таня. У неё вечно музыка в ушах, не обращай внимания.

Таня кивнула, вставила наушник обратно и снова уткнулась в ноутбук. Из динамиков донеслось тонкое «у-е-е-е» — какой-то корейский поп.

— Ты откуда? — спросила Лиза, с интересом разглядывая Алисин пуховик, который та до сих пор не сняла, и дешёвые кроссовки.

— Из Песчаного, — Алиса попыталась улыбнуться. — Это в...

— Да неважно, — перебила Лиза. — Из глубинки, короче. Я с Сахалина. Танька с Питера. Представляешь, питерская, а в Москву поперлась, дура.

Таня никак не отреагировала. То ли не слышала, то ли привыкла.

— У нас тут свои порядки, — продолжала Лиза, откладывая лак. — Полка верхняя в холодильнике — моя. Танькина — средняя. Твоя будет нижняя, но туда всё течёт, так что заверни продукты в пакеты. В тумбочке у каждой свой ящик. Мусор выносить по очереди: график на холодильнике. Уборка по пятницам. Мужиков водить можно, но не больше, чем до двенадцати, и чтобы баба Зина с вахты не видела, а то заложит коменданту.

Алиса слушала и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она представляла себе уютные посиделки, разговоры до утра, общие чаепития. А тут график, тумбочки, мужики.

— А... — начала она.

— Что?

— А где душ?

Лиза расхохоталась. Звонко, но как-то неприятно.

— Душ на этаже. Только горячая вода бывает по понедельникам и четвергам с шести до девяти утра. Не проспай — мойся холодной. И тапки резиновые обязательно купи, там грибок у некоторых.

Таня в наушниках вдруг хмыкнула, но так и не подняла головы. Алиса медленно стащила с себя куртку. Под ней оказалась серая кофта, которую мама купила на рынке. На фоне Лизы, щеголяющей в брендовых (или подделке под бренд?) спортивных, она чувствовала себя мышью.

— Располагайся, — Лиза махнула рукой в сторону пустой кровати и снова уставилась на свои ногти. — Только учти: я учусь на журфаке, мне по ночам писать часто надо. Танька на экономике, у неё зубрежка. Если мешать будешь — вылетай сразу.

— Я не буду мешать, — тихо сказала Алиса. — Я на дизайне. Мне тоже работать много.

— Дизайн? — Лиза скривила губы. — Это рисовать, что ли? Ладно, рисуй. Только красками своими не воняй.

Алиса подошла к своей кровати. Матрас был продавлен посередине, подушка плоская, простыни вообще никакой — надо идти к этой бабе Зине. Она села на край и огляделась. В углу Лизы висело зеркало в полный рост, забитое наклейками. На тумбочке у Тани — фотография какой-то корейской группы. На подоконнике — пепельница (хотя курить в комнате вроде нельзя) и начатая пачка чипсов. Чужие вещи. Чужая жизнь. Чужой уклад.

Алиса вдруг остро, до боли в груди, захотела обратно. В свою маленькую комнатку с обоями в цветочек. К маминым бутербродам. К Ленке и Кате, которые пусть и не пришли на вокзал, но хотя бы были своими.

— О чём задумалась? — спросила Лиза, заметив её лицо. В голосе сквозило любопытство. Хищное такое.

— Ни о чём, — Алиса моргнула и заставила себя улыбнуться. — Просто устала с дороги.

— Ну, привыкай, — Лиза растянула губы в улыбке, не имеющей ничего общего с доброжелательностью. — Тут тебе не дома. Тут выживать надо.

Она снова включила музыку на полную. Басы застучали по стенам. Алиса сидела на продавленном матрасе, сжимая в руках ключ на железной болванке, и смотрела в окно на серую стену соседнего дома. Ей казалось, что она только что зашла в клетку.

Глава 3. Лучница

Утром Алиса встала в шесть. Не потому, что выпалась — за ночь она, кажется, не сомкнула глаз ни на минуту. Лиза храпела. Таня во сне бормотала что-то по-корейски. Чужой матрас пах неизвестно чем, а за окном всю ночь орала сигнализация чьей-то машины.

Просто в шесть утра, если верить Лизе, была горячая вода. Душ оказался отдельным кругом ада. Плитка в трещинах, ржавый поддон, соседка с третьего этажа, которая мыла голову и умудрилась забрызгать всю Алисину сменную одежду. Тапки она, конечно, забыла. Пришлось мыться, балансируя на цыпочках и мысленно молиться, чтобы никакой грибок к ней не прицепился.

Вернувшись в комнату, она застала Лизу за макияжем. Процесс был сложный, многоступенчатый и напоминал строительство небоскреба: тон, скульптор, хайлайтер, стрелки, накладные ресницы.

— О, проснулась, — бросила Лиза, не отрываясь от зеркала. — Че встала так рано? Пары с десяти только.

— Я в душ ходила, — робко сказала Алиса.

— А-а-а, ну да, провинциалка, — усмехнулась Лиза. — Не переживай, привыкнешь. Я первый месяц тоже шарахалась. А потом забила. Помыться можно и в раковине, если что.

Алиса промолчала. Она достала из чемодана единственное платье, которое считала «нарядным» — темно-синее, в мелкий цветочек, чуть ниже колена. Мама говорила, оно ей очень идет. Она надела его, причесалась, посмотрела на себя в маленькое зеркальце над тумбочкой. Вроде нормально. Скромно, но опрятно. Лиза закончила со стрелками, обернулась и уставилась на Алису таким взглядом, будто увидела привидение.

— Ты это серьезно?

— Что? — не поняла Алиса.

— Ты в этом пойдешь?

— А что не так?

Лиза открыла рот, закрыла, потом расхохоталась. Громко, как и вчера.

— Слушай, солнце, ты в Москве. Тут бабушки на лавочках так не одеваются уже лет десять. Это же пыль веков. Ты в нем на первом курсе универа — будешь как училка литературы на пенсии.

Алиса почувствовала, как щеки заливаются краской.

— Нормальное платье, — тихо сказала она.

— Оно страшное, — отрезала Лиза. — Ладно, дело твое. Хочешь быть белой вороной — будь. Мне-то что.

Она отвернулась к зеркалу, давая понять, что разговор окончен. Алиса стояла посреди комнаты, сжимая край подола. Платье вдруг показалось ей уродливым. Мама выбирала, мама говорила «какое красивое, качественное, сто лет проносишь». Мама не знала, какие тут стандарты. Но менять было нечего. Остальное — джинсы да свитера.

В коридоре уже галдели. Хлопали двери, гремели ведрами уборщицы, кто-то кричал: «Ленка, пожрать дай, я проспала!» Пахло кофе и дешевым сигаретным дымом. Алиса накинула куртку поверх платья и вышла в этот гул.

Университет находился в десяти минутах ходьбы. Серое здание сталинской постройки с колоннами и высокой лестницей. Алиса поднималась по ступенькам и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Внутри было шумно,людно и страшно. Студенты носились по коридорам, обнимались, смеялись, пили кофе из бумажных стаканчиков. Все выглядели такими... своими. Такими уверенными.

Алиса поймала чей-то взгляд. Девушка в огромных очках и короткой стрижке посмотрела на нее, скользнула глазами по платью и отвернулась к подруге. Та хихикнула.

«Показалось», — подумала Алиса. Конечно, показалось.

Она нашла нужную аудиторию — 347-я, кафедра дизайна. Перед дверью толпился народ. Первокурсники. Ее группа.

Алиса остановилась в стороне, пытаясь слиться со стеной.

— Ты с нашего потока? — вдруг спросил кто-то сбоку.

Она обернулась. Парень с грязно-русыми волосами, собранными в небрежный пучок, в мешковатых штанах и футболке с принтом группы, название которой она не могла прочесть. В руках — большой блокнот, весь в наклейках.

— А? Да, — выдавила Алиса. — Первый курс, дизайн.

— Круто, — парень улыбнулся. — Я Коля. Будем знакомы. Тоже первый. Ты откуда?

— Из Песчаного.

— Не слышал, — Коля пожал плечами. — Ну и ладно. Ты это... не бойся. Тут все сначала тупят. Я вон вообще из Омска, у нас там мода другая.

Он окинул ее платье быстрым взглядом и отвел глаза. Слишком быстро. Алиса все поняла. Но Коля оказался добрым. Он провел ее в аудиторию, показал, где обычно садятся «наши», познакомил с парой ребят: тихой девушкой Инной из Воронежа и шумным Димой с Урала.

Алиса примостилась на краешек стула, положила перед собой тетрадку и замерла. Аудитория постепенно заполнялась. Кто-то входил, громко приветствуя знакомых, кто-то молча садился в углу. Атмосфера была одновременно волнительной и чужой.

А потом вошла ОНА. Дверь распахнулась, и в аудиторию вплыла девушка. Длинные светлые волосы локонами падали на плечи. Идеальный макияж — не такой яркий, как у Лизы, а будто бы невидимый, но Алиса уже знала, сколько такая «естественность» стоит времени и денег. Короткое пальто, сапоги выше колена, сумка через плечо — маленькая, блестящая, явно не с рынка.

Но главное было не в одежде. Главное было в том, КАК она шла. С чувством, что весь мир принадлежит ей по праву. Что эти стены, эти люди, этот институт — все это создано для нее. За ней, как привязанные, вплыли еще две девушки. Поменьше, поскромнее, в таких же дорогих шмотках, но без той уверенности, что была у первой.

— О, Вика пришла, — шепнул Коля. — Слышал про нее? Говорят, папа у нее кто-то важный. Чуть ли не министр. Или депутат. Короче, шишка.

Вика прошла мимо Алисиного ряда. На секунду их взгляды встретились. Алиса попыталась улыбнуться. Просто так, по-человечески. Новичок новичку, хотя Вика явно не была новичком по жизни. Вика посмотрела на нее. Скользнула взглядом по лицу, по платью, по дешевым балеткам, которые Алиса купила на распродаже.

Улыбки в ответ не последовало. Вика отвернулась и пошла дальше, к центру аудитории, где парни тут же освободили ей место. Алиса услышала, как одна из ее спутниц что-то шепнула ей на ухо, и обе тихо засмеялись. Алиса вцепилась в ручку.

«Не обо мне, — подумала она. — С чего бы им смеяться надо мной? Я же ничего не сделала». Но внутри уже поселился холодок.

Первая пара пролетела незаметно. Преподаватель — пожилой мужчина с усталыми глазами — рассказывал о введении в специальность, показывал слайды, говорил про композицию и цвет. Алиса слушала, завороченная. Это было ее. Это она любила. Она даже перестала думать о платье, о смешках, о том, что Лиза была права.

На перемене Коля предложил пойти в столовую. Алиса согласилась — есть хотелось зверски. Мамины запасы кончились еще вчера. В столовой было столпотворение. Они взяли по пирожку и чаю и сели за свободный столик у окна.

— Ну как тебе? — спросил Коля, жуя. — Первый день?

— Странно, — честно призналась Алиса. — Все какие-то... другие.

— Привыкнешь, — отмахнулся Коля. — Главное, не дрейфь. И с Викой не пересекайся.

— А что с Викой?

— Да так, — Коля замялся. — Слышал я, она девочек не очень любит. Если ты красивая, то все, конкуренция. А если... Он запнулся, поняв, что ляпнул лишнее.

— А если страшная? — тихо спросила Алиса. — Тогда что?

— Тогда тоже не любит, — вздохнул Коля. — Просто не замечает. Ты это... давай чай пей, остынет.

Они еще немного посидели. Алиса смотрела в окно на серое московское небо и думала о том, что мама всегда говорила: «Будь собой, и люди к тебе потянутся». Мама была хорошая. Мама просто не знала, как устроен этот мир.

На выходе из столовой она снова столкнулась с Викиной компанией. Они стояли в холле, громко смеялись над чем-то на телефоне. Вика подняла глаза, увидела Алису, и на ее лице появилось то самое выражение — оценивающее, холодное.

— Ой, смотрите, — вдруг громко сказала Вика, обращаясь к своим, но глядя прямо на Алису. — Лучница.

— Что? — не поняла подруга.

— Ну, платье, — Вика повела плечом. — Из компьютерной же. Лучница какая-то. Из племени дикарей. Только лук потеряла.

Девушки захихикали. Кто-то из парней, стоящих рядом, тоже усмехнулся. Алиса замерла. Кровь прилила к щекам, потом отхлынула, оставив лицо ледяным.

«Не обращай внимания, — приказала она себе. — Просто иди мимо. Они не стоят того».

Она пошла. Медленно, стараясь, чтобы ноги не дрожали. Чувствуя спиной их взгляды, их смех, их шепот.

— Лучница, лучница, — донеслось вслед.

Она не обернулась. В аудиторию она вернулась, когда звонок уже прозвенел. Села на свое место, раскрыла тетрадь и уставилась в одну точку. Рядом плюхнулся Коля.

— Ты чего? Бледная вся.

— Ничего, — Алиса выдавила улыбку. — Все нормально.

Она смотрела на свои руки, сжимающие ручку. Пальцы дрожали. Внутри что-то шелкнуло. Как будто маленькая дверца, за которой жила надежда на новую счастливую жизнь, только что захлопнулась. Она не знала тогда, что это был только первый выстрел. И что лучницей ее будут называть еще очень долго. Только смех с каждым разом будет звучать все злее.

Глава 4. Королева улья

Прошла неделя. Алиса выучила расписание, нашла кратчайшую дорогу от общежития до университета и даже перестала путаться в коридорах. Она научилась мыться за пять минут по понедельникам и четвергам, прятать продукты в непротекаемый контейнер и засыпать под храп Лизы. Она почти привыкла.

Кроме одного — Вики. Вика была везде. Она сидела в центре аудитории, и вокруг нее всегда образовывался живой круг. Не потому, что места так стояли. Просто люди сами тянулись к ней или, наоборот, отодвигались, освобождая пространство. Как будто Вика была солнцем, а все остальные — планетами на орбите. Или, как подумала Алиса однажды, глядя, как одноклассники ловят каждое ее слово — Королевой улья.

Вика никогда не повышала голос. Ей это было не нужно. Она говорила тихо, чуть насмешливо, и все замолкали, чтобы расслышать. Она смеялась — и вокруг начинали смеяться все, даже если шутка была непонятной. Она хмурилась — и в аудитории повисала напряженная тишина. У нее было все: дорогая одежда, красивое лицо, влиятельный отец (кто он там — депутат, министр, олигарх — никто точно не знал, но все подозревали), отдельная квартира в центре (потому что «в общежитии живут только нищелюбы»), и главное — власть. Та самая власть, которая не дается деньгами, а рождается где-то внутри. Взгляд, жест, интонация и человек чувствует себя букашкой.

Алиса чувствовала себя букашкой постоянно. Каждое утро, входя в аудиторию, она ловила на себе взгляд Вики. Тот самый — оценивающий, холодный. Как будто Вика проверяла: ну что, Лучница, ты еще здесь? Не сдохла? Алиса научилась отводить глаза первой.

— Чего ты ее боишься? — спросил как-то Коля в столовой. — Плюнь и разотри. Подумаешь, корчит из себя царицу.

— Я не боюсь, — соврала Алиса.

— Боишься, — Коля вздохнул. — Я сам боюсь. Только виду не подаю. Знаешь, почему за ней таскаются эти двое?

— Кто?

— Ну, подружки ее. Света и Карина. Они же как сфинксы: пока с Викой дружишь — ты в безопасности. Чуть что — сожрут первой.

Алиса промолчала. Она уже заметила этих двоих. Света — высокая, худая, с вечно недовольным лицом. Карина — пухленькая, тихая, но глаза бегают, как у крысы. Они ходили за Викой хвостиками, поддакивали, подхихикивали, ловили каждое слово. Смотреть на них было больно. И страшно.

Во вторник на второй паре должно было случиться распределение по мастерским. Преподаватель — пожилая, но очень живая женщина, Ирина Борисовна — объяснила, что каждый студент получает место в общей мастерской, но работать можно и в других, если договоришься.

— Места ограничены, — сказала она. — Поэтому давайте по-честному: кто первый записался, того и стул.

Алиса обрадовалась. Она пришла пораньше, заняла место у окна — там было больше света. Разложила бумагу, карандаши, приготовилась работать. Через пять минут в мастерскую вошла Вика. Она остановилась в дверях, окинула взглядом помещение и направилась прямо к Алисиному столу.

— Это мое место, — сказала Вика.

Алиса подняла голову. Вика стояла над ней, высокая, красивая, пахнущая дорогими духами. На губах — легкая улыбка. В глазах — ноль эмоций.

— Я первая пришла, — тихо сказала Алиса. — Ирина Борисовна сказала...

— Мне плевать, что она сказала. — Вика даже не повысила голос. — Я всегда здесь сижу. Еще с прошлой недели, когда мы смотрели мастерские. Это мое место.

Алиса оглянулась. В мастерской уже было человек десять. Все смотрели на них. Кто-то с интересом, кто-то с сочувствием, но никто не вмешивался.

— Я не знала, — Алиса сглотнула. — Давай я тогда...

— Ты глухая? — Вика наклонилась чуть ближе. — Я сказала: это мое место. Собирай манатки и вали.

Сзади хихикнула Света. Карина стояла с каменным лицом, но в глазах плескалось что-то похожее на удовольствие.

Алиса медленно встала. Руки дрожали, но она заставила себя смотреть Вике прямо в глаза.

— Знаешь что, — начала она, и голос предательски сел. — Ты могла бы просто попросить. Я бы уступила. Но так...

Она не договорила. Потому что Вика вдруг улыбнулась. Широко, открыто, как старой подруге.

— Ой, какие мы гордые, — пропела она. — Извини, солнце, я не расслышала. Ты что-то сказала?

В аудитории стало тихо. Даже те, кто делал вид, что занят своими делами, замерли. Алиса стояла и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Она понимала: сейчас решится все. Если она смолчит — она проиграла. Если ответит — тоже проиграла, потому что против Вики у нее нет ни шанса.

— Я сказала, — выдохнула Алиса, — что место свободное. Я заняла его первой. Если хочешь сидеть рядом — садись. Места хватит.

Вика моргнула. Один раз. Второй. Потом расхохоталась.

— Слышали? — обернулась она к аудитории. — Лучница предлагает мне сесть РЯДОМ. На ее облезлый стул. В ее углу.

Кто-то засмеялся. Кто-то зашумел. Алиса схватила свои карандаши. Быстро, не глядя, сгребла их в рюкзак. Бумагу смяла и сунула туда же.

— Ладно, — выдавила она, не поднимая глаз. — Забирай. Мне не жалко.

Она пошла к выходу, чувствуя на спине десяток взглядов. У двери остановилась. Обернулась. Вика уже сидела на ее месте, поправляя волосы. Рядом пристроились Света и Карина. Они даже не смотрели в сторону Алисы. Будто ее уже не существовало.

— Эй, Лучница! — окликнула Вика, не оборачиваясь. — Запомни: в этом улье я королева. А ты так... рабочая пчела. Если повезет.

Алиса вышла в коридор и прикрыла дверь. Только там, в пустом коридоре, прижимая к груди рюкзак, она позволила себе выдохнуть. И заплакать. Тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал. Вечером в общежитии Лиза красила ногти и слушала музыку. Таня, как обычно, торчала в наушниках. Алиса лежала на своей продавленной кровати и смотрела в потолок. Телефон пиликнул. Сообщение от мамы: «Доченька, как дела? Как учеба? Мы с папой скучаем. Целуем».

Алиса набрала ответ: «Все хорошо, мам. Учеба нравится. Соседи хорошие. Целую». Потом выключила звук и закрыла глаза. Она думала о Вике. О том, как та смотрела на нее. О том, как легко, одним движением, стерла ее с лица земли в той мастерской. И о том, что это была только первая неделя. Впереди было еще четыре года.

Глава 5. Неудачная шутка

Прошло еще две недели. Алиса освоилась настолько, что перестала вздрагивать, когда открывалась дверь аудитории. Она научилась сидеть тихо, не привлекать внимания, отвечать только тогда, когда спрашивают, и никогда — никогда! — не смотреть в сторону Вики дольше одной секунды. Она даже почти поверила, что так и будет. Что Вика про нее забыла. Что та история в мастерской была случайностью, просто плохим днем у королевы улья.

Наивная. Все началось на семинаре по истории искусств. Предмет вел молодой преподаватель, Алексей Дмитриевич, которого все любили за то, что он не ставил двоек и разрешал спорить. Тема была скучная — иконопись Андрея Рублева, — но Алексей Дмитриевич старался как мог, показывал слайды, шутил, пытался растормошить аудиторию.

— Ну давайте, — уговаривал он. — Кто скажет, чем отличается школа Рублева от византийской традиции? Не молчите как рыбы. Это же интересно!

Аудитория молчала как рыбы. Кто-то листал ленту в телефоне, кто-то рисовал в тетради, кто-то откровенно спал с открытыми глазами. И тут Вика подняла руку. Алексей Дмитриевич просиял:

— Да, Вика, слушаю!

— А можно вопрос не по теме? — Вика улыбнулась своей коронной улыбкой. — Просто интересно. А правда, что Рублев был... ну, знаете... того? — Она покрутила пальцем у виска. — Голоса слышал? А то на иконах у него все такие странные, глаза навывкате.

В аудитории засмеялись. Кто-то зааплодировал. Алексей Дмитриевич растерянно заморгал:

— Ну, вообще-то это сложный вопрос. В житиях святых часто встречаются описания...

— Да ладно, я пошутила, — перебила Вика. — Просто скучно очень. Извините.

Она откинулась на спинку стула и демонстративно уставилась в телефон. Алексей Дмитриевич вздохнул и продолжил лекцию, но энтузиазм у него поубавился.

Алиса смотрела на Вику и вдруг почувствовала что-то странное. Не злость, не страх. А что-то вроде... понимания? Вика была такой же, как все. Ей тоже было скучно. Она тоже хотела внимания. Просто у нее была власть, а у остальных нет.

«Может, если я попробую с ней подружиться? — подумала Алиса. — Или хотя бы расшевелить? Ну, покажу, что я не враг, что я своя в доску, что умею смеяться над собой?»

В голове зазвучал мамин голос: «С людьми надо быть проще, дочка. Улыбайся, шути, и они к тебе потянутся».

Алиса решила попробовать. Случай представился на той же неделе, в четверг. Была пара по рисунку. Задание — наброски живой натуры. В качестве натуры вызвался позировать Колян. Он сидел на табуретке с самым дурацким видом, старался не шевелиться, но периодически чесал нос, и все смеялись. Алиса рисовала старательно, положив лист на планшет. Она даже увлеклась и почти забыла, что Вика сидит через два ряда.

— Слушай, Лучница, — вдруг раздалось сзади.

Алиса вздрогнула. Вика. Она подошла незаметно и теперь стояла за спиной, разглядывая рисунок.

— А ничего так, — сказала Вика. — Пальчики у тебя растут откуда надо. Только вот это... — она ткнула длинным ногтем в набросок. — Пропорции поплыли. Голова у Коляна теперь как у инопланетянина.

Колян обиженно надулся, но промолчал. Алиса посмотрела на рисунок. Вика была права — голова действительно вышла великовата. Она хотела промолчать, как обычно, но внутри вдруг зашевелилось то самое дурацкое желание понравиться. Разрядить обстановку. Стать своей.

— Ну да, — выдохнула Алиса и криво улыбнулась. — Это потому что я сама как инопланетянин. Прилетела из своего Песчаного, ни черта не умею, еще и пропорции путаю. Пришелец-неудачник, блин.

Она нервно хихикнула, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки. Кто-то из ребят усмехнулся. Коля хмыкнул. Алиса почувствовала, что лед тронулся. Но Вика не засмеялась. Она смотрела на Алису долгим, изучающим взглядом. Как биолог на редкую букашку. Как шахматист на доску, где уже просчитал все ходы на десять вперед.

— Пришелец-неудачник, — медленно повторила Вика, пробуя слова на вкус. — Сама сказала. Интересно.

Она улыбнулась. Тепло так, почти ласково.

— Ну сиди, пришелец. Рисуй.

И отошла к своему месту. Алиса выдохнула. Кажется, пронесло. Кажется, получилось. Вика улыбнулась, значит, все хорошо, значит, она приняла шутку. Колян поймал ее взгляд и одними губами прошептал: «Молоток». Алиса улыбнулась и вернулась к рисунку.

Через час пары закончились. Алиса собирала карандаши, когда к ней подошла Света, Викина подружка.

— Эй, Лучница, — бросила она. — Вика просила передать: завтра на первой паре подойди к ней. Дело есть.

— Какое дело? — удивилась Алиса.

— Не знаю. Сказала, подойди. Не бойся, не съест.

Света усмехнулась и ушла. Алиса растерянно смотрела ей вслед. Вика зовет сама? По делу? Может, правда получилось? Может, она хотела сказать что-то хорошее, предложить дружбу или хотя бы перемирие?

Всю дорогу до общежития она прокручивала в голове варианты. Вика извинится за ту историю в мастерской. Предложит вместе делать проект. Позовет в компанию. Глупая. Глупая, глупая Алиса.

Утром следующего дня она пришла в университет за полчаса до пары. Нашла Вику в холле у входа. Та стояла в компании Светы, Карины и еще двух парней с параллельного потока. Все пили кофе из автомата и громко смеялись. Алиса подошла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Привет, — сказала она тихо. — Ты меня звала?

Вика обернулась. Посмотрела на Алису, на ее старенькое пальто, на дешевые ботинки, на рюкзак с оторванной лямкой (Алиса пришла, но было видно). Улыбнулась.

— О, пришелец пришел, — громко сказала она. — Слышали, народ? Это Алиса. Она из Песчаного. Это такой город, где все ходят в бабушкиных платьях и рисуют кривые головы. Сама рассказывала. Да, Алис?

Компания засмеялась. Алиса замерла. Кофе в руках у Вики выплеснулся, но та даже не заметила.

— И знаете, что она еще сказала? — продолжала Вика, наслаждаясь моментом. — Она сказала, что она — пришелец-неудачник. Сама. Представляете? Я бы постеснялась так про себя.

— Да ладно, Вик, — вставил один из парней, скалясь. — Может, она просто реалистка. Правду говорит.

— Правду? — Вика подняла бровь. — Ну тогда давайте ее проверим. Алиса, покажи им свой рисунок. Тот, где у Коляна голова как арбуз.

— Я... — Алиса сглотнула. — Я не брала сегодня. Он в общежитии.

— Жаль, — вздохнула Вика. — А то бы мы все посмеялись. Ладно, иди, пришелец. Лети на свою планету. Тут тебе делать нечего.

Компания снова заржала. Кто-то даже захопал. Алиса стояла посреди холла и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Мимо проходили люди, кто-то оборачивался, кто-то улыбался — не ей, а Вике, всегда Вике. Она развернулась и пошла. Просто пошла, куда глаза глядят. В туалет. В единственное место, где можно спрятаться.

Там, запершись в кабинке, она сидела на крышке унитаза, зажимая рот рукой, чтобы никто не услышал, как она плачет. Она сама дала им оружие. Сама рассказала про свою слабость. Сама назвала себя неудачницей. И Вика запомнила. Теперь это имя — Пришелец — будет приклеено к ней намертво

Глава 6. Парень с параллельного

После той истории в холле Алиса дала себе слово: никаких больше попыток подружиться, никаких шуток над собой, никакого привлечения внимания. Она стала тенью. Приходила за пять минут до звонка, садилась на последний ряд, утыкалась в тетрадь и уходила сразу после пары, не оглядываясь. В столовую ходила в другое время, чтобы не пересекаться с Викиной компанией. В коридорах смотрела в пол и ускоряла шаг, если слышала знакомые голоса. Коля пытался ее растормошить:

— Ты чего как в воду опущенная? Плюнь ты на них. Вика — дура, Светка с Каринкой — шавки подзаборные. Не обращай внимания.

Алиса кивала и улыбалась. Но внутри все равно было больно. Единственным местом, где она чувствовала себя почти спокойно, была библиотека. Старая, пыльная, с высокими стеллажами и запахом бумаги. Туда Викина компания не заходила — слишком скучно. Там можно было сидеть в уголке, читать учебники по истории искусств, рассматривать альбомы с репродукциями и хотя бы на время забыть, что ты — пришелец-неудачник.

Это случилось в середине октября. Алиса сидела за дальним столом, у окна, и перерисовывала в блокнот набросок картины Боттичелли. За окном моросил противный московский дождь, в библиотеке было тепло и тихо, только часы тикали где-то на стене. Она увлеклась и не заметила, как кто-то сел напротив.

— Боттичелли? — спросил голос. Мужской, негромкий, с легкой хрипотцой.

Алиса подняла голову и замерла. Напротив сидел парень. Светлые русые волосы, чуть длиннее, чем обычно носят, серые глаза, мягкая улыбка. На нем была простая серая толстовка, но сидела она как-то особенно — свободно, но красиво. В руках он держал стопку книг.

— Что? — переспросила Алиса глупо.

— Боттичелли, — парень кивнул на ее блокнот. — «Рождение Венеры», да? Хороший выбор. Я тоже люблю раннее Возрождение.

Алиса моргнула. Она не привыкла, чтобы с ней разговаривали просто так. Тем более парни. Тем более такие.

— Ты с дизайна? — спросил он, устраиваясь поудобнее.

— Ага, — выдавила Алиса. — Первый курс.

— Я с архитектуры, — он улыбнулся шире. — Дима. Второй курс. Иногда сюда захожу, когда в мастерской шумно. А ты тут часто бываешь? Что-то я тебя раньше не видел.

— Я... недавно начала ходить, — Алиса почувствовала, что краснеет. — Тут тихо.

— Тихо — это хорошо, — согласился Дима. — У нас в архитектурном вечно какая-то движуха. То макеты жгут, то ночами сидят, то ссорятся. Иногда хочется просто... ну, чтобы тихо.

Он говорил легко, без напряжения, как будто они были знакомы сто лет. Алиса слушала и не верила, что это происходит с ней.

— А ты откуда? — спросил Дима. — Местная?

— Из Песчаного, — Алиса сжалась, ожидая привычной реакции.

— Не слышал, — спокойно сказал Дима. — Это где-то в области?

— Нет, это... другой регион. Далеко.

— Ничего себе, — он присвистнул. — Рисковая. Приехать одной в Москву, поступить на дизайн. Это характер надо иметь.

Алиса не знала, куда деваться от смущения. Ей никогда не говорили, что у нее есть характер. Обычно говорили другое: «тихая», «скромная», «ничего особенного».

— Ну, не знаю, — пробормотала она. — Просто хотелось поступить.

— И поступила, — Дима кивнул. — Молодец.

Он замолчал, уткнулся в свою книгу. Алиса смотрела в блокнот, но мысли разбегались. Она краем глаза рассматривала его руки — длинные пальцы, на одном простое серебряное кольцо. Смотрела, как он хмурится, читая, как поправляет волосы, упавшие на лоб. Сердце билось где-то в ушах.

Просидели они так около часа. В тишине, но в какой-то удивительно уютной, не напрягающей. Иногда Дима поднимал голову, ловил ее взгляд и улыбался. Алиса отводила глаза и снова краснела, как школьница. Потом он собрался уходить.

— Я, наверное, пойду, — сказал он, вставая. — У меня пара через полчаса. Рад был познакомиться, Алиса.

— Откуда ты знаешь мое имя? — удивилась она.

— Ты на обложке тетради написала, — он усмехнулся и показал на ее тетрадь, где крупными буквами было выведено «Алиса, 1 курс, дизайн».

Она засмеялась. Сама не заметила, как.

— Ну пока, Алиса с дизайна, — сказал Дима на прощание. — Увидимся.

И ушел. Алиса еще долго сидела в библиотеке, глядя на дверь, за которой он скрылся. В груди разливалось что-то теплое, забытое. Она почти не помнила, когда в последний раз так улыбалась. Весь оставшийся день она ходила сама не своя. На парах не слушала, в столовой не ела, в общежитии не могла найти себе места. Лиза заметила:

— Ты чего лыбишься весь вечер? Влюбилась, что ли?

— Нет, — слишком быстро ответила Алиса и снова покраснела.

— Ага, конечно, — хмыкнула Лиза. — Смотри, влюбляться у нас вредно. Мужиков мало, очередь большая.

Алиса отмахнулась и залезла под одеяло. Она думала о Диме. О его улыбке. О том, как он сказал «характер надо иметь». О том, что он назвал ее по имени. Может быть, Москва не такой уж и ад?

Через два дня она снова пошла в библиотеку. Сердце колотилось, когда она открывала дверь. Вдруг его нет? Вдруг он был случайно? Вдруг она все придумала?

Дима сидел за тем же столом, у окна. Он поднял голову, увидел ее и улыбнулся.

— Привет, — сказал просто. — А я тебя ждал. Думал, может, придешь. Садись.

Алиса села. Внутри все пело. Они снова сидели в тишине, но теперь это была не просто тишина. Это было что-то большее. Она ловила каждое его движение, каждый взгляд. Перед уходом Дима протянул ей листок.

— Держи. Тут список книг по искусству, которые мне в свое время помогли. Не учебники, а так... для души. Может, пригодится.

Алиса взяла листок, как величайшую драгоценность.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Обращайся, — Дима подмигнул. — Увидимся.

Он ушел. А Алиса еще долго сидела, перечитывая список. Книги были незнакомые, названия сложные. Она решила, что прочитает их все. Обязательно. Ради него.

В пятницу она шла по коридору и вдруг услышала знакомый смех. Дима. Он стоял у окна в компании людей. Алиса узнала их сразу — Вика, Света, Карина, еще несколько парней с их потока. Дима что-то рассказывал, размахивая руками, и все смеялись. Особенно громко смеялась Вика. Она стояла близко к нему, касалась плеча, заглядывала в глаза.

— Дим, ну ты гений, — сказала Вика, когда он закончил. — Вечно ты нас спасаешь. Приходи сегодня вечером, у нас тусовка в «Стекле». Будут все свои.

Дима улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Алисы подкашивались ноги.

— Посмотрим, — ответил он. — Если макет сдам, приду.

Алиса стояла в коридоре, вжавшись в стену, и смотрела на них. Дима. Ее Дима. Тот, кто сидел с ней в библиотеке. Тот, кто сказал, что у нее есть характер. Тот, кто дал ей список книг. Он был с Викой. Он был в ее компании. Он был одним из них.

Дима вдруг обернулся и заметил Алису. На секунду их взгляды встретились. Алиса замерла. Сейчас он улыбнется ей, помашет, подойдет. Сейчас он покажет, что она для него что-то значит. Дима отвел глаза. Отвернулся обратно к Вике и что-то сказал ей на ухо. Та засмеялась и шутливо толкнула его в плечо.

Алиса пошла дальше по коридору. Ноги не слушались, в глазах темнело. Значит, вот как. Значит, он тоже из этого улья. Просто залетел в библиотеку случайно, как муха, чтобы отдохнуть. А она, дура, уже размечталась.

Вечером она порвала список книг на мелкие кусочки и выбросила в мусорку на этаже. А потом легла лицом к стене и долго смотрела на облупившуюся краску, слушая, как Лиза красит ногти и болтает по телефону с очередным ухажером. В груди было пусто и больно.

Глава 7. Случайность или закономерность?

После той встречи в коридоре Алиса перестала ходить в библиотеку. Какой смысл? Дима, если и приходил туда, то явно не ради нее. Для него она была просто случайной знакомой, девочкой с дизайнера, с которой можно перекинуться парой слов, когда скучно. Для нее же эта встреча стала... она не знала, как это назвать. Надеждой? Глупая надежда.

Она сосредоточилась на учебе. Это было единственное, что получалось у нее хорошо. Преподаватели хвалили ее работы, Ирина Борисовна говорила, что у Алисы «тонкое чувство цвета» и «интересный взгляд на композицию». Маме по телефону Алиса врала, что у нее все замечательно, что она нашла друзей, что Москва — лучший город на Земле. Мама верила. Мама хотела верить.

К середине ноября нависло первое серьезное испытание — курсовой проект по композиции. Нужно было сделать серию графических листов на тему «Город и человек». Алиса выбрала свою тему — «Одиноким прохожий». Она рисовала людей в толпе, но каждый из них был сам по себе, отдельно, никому не нужный. Наверное, это было слишком личное. Но Ирина Борисовна идею одобрила.

— Хорошо, Алиса, — сказала она. — Чувствуется. Только не пережми с драмой. И принеси мне эскизы в пятницу, посмотрим, в какую сторону двигаться.

Пятница. Оставалось три дня. Алиса работала как одержимая. Сидела в мастерской допоздна, пока вахтерша не начинала стучать в дверь и кричать, что пора выметаться. Таскала эскизы в общагу, дорисовывала по ночам при свете настольной лампы, пока Лиза храпела, а Таня слушала свою корейскую музыку в наушниках.

К четвергу у нее была готова целая папка. Наброски, варианты, цветовые решения, раскраска. Все, чтобы в пятницу показать Ирине Борисовне и получить допуск к работе.

В четверг вечером она сидела в мастерской одна. Все уже разошлось — был поздний вечер, за окном темно, в коридорах тихо. Алиса перебирала листы, раскладывала их по порядку, подписывала карандашом на обороте. Папка лежала на столе. Красивая, коричневая, с завязками. Мама дала с собой, еще из дома, говорила: «Для важных бумаг пригодится». Пригодилась. Алиса убрала папку в рюкзак, застегнула и пошла к выходу. Вахтерша, тетя Зина с первого этажа, уже гремела ключами.

— Опять допоздна, — проворчала она. — Учеба, учеба, а здоровье кто будет беречь?

— Завтра сдаю, — улыбнулась Алиса. — Последний рывок.

— Ну-ну, — тетя Зина покачала головой. — Иди давай, закрою.

Алиса вышла на улицу. Моросил мелкий дождь, превращаясь в ледяную крупу. Она натянула капюшон и побежала к остановке.

В автобусе было пусто и холодно. Алиса села у окна, прижала рюкзак к груди и задремала под стук колес. Она не знала, что это была последняя спокойная ночь. Утром в пятницу она проснулась от того, что Лиза орала в трубку:

— Да сказала же, приду! Ну что ты нудишь, как дед? Отстань!

Алиса села на кровати. Голова гудела, спина затекла — она опять спала в неудобной позе. За окном было серо, холодно, обычное московское утро. Она потянулась к рюкзаку, чтобы проверить папку. Просто так, для успокоения. Рюкзак был расстегнут. Алиса похолодела. Она точно помнила, что вчера застегивала. Мама учила: всегда проверяй, всегда закрывай, в Москве полно воров. Она запустила руку внутрь. Пусто. Она вытряхнула содержимое на кровать. Тетради, пенал, косметичка, яблоко, которое она так и не съела. Кошелек с мелочью. Проездной. Папки не было.

— Нет, — прошептала Алиса. — Нет-нет-нет.

Она перерыла рюкзак снова. Потом еще раз. Заглянула под кровать, в тумбочку, в коридор, на кухню (хотя откуда там могла взяться папка?). Металось по комнате, как зверь в клетке.

— Ты чего ищешь? — лениво спросила Лиза, отвлекаясь от телефона.

— Папка. Коричневая. С эскизами. Ты не видела?

— Не, — Лиза пожала плечами. — Не видела. Может, в универе забыла?

Алиса замерла. В университете. Вчера. Мастерская. Точно! Она могла оставить папку на столе. Когда собиралась, торопилась, могла и забыть. Она посмотрела на часы. Половина восьмого. Мастерская открывается в девять. Если она приедет пораньше, успеет забрать до пары. Ирина Борисовна принимает проекты в одиннадцать. Время есть.

— Да, точно, — выдохнула она, успокаиваясь. — Наверное, забыла. Сейчас съезжу.

Она оделась за пять минут и вылетела из общежития. В мастерской было пусто и холодно. Алиса вбежала, даже не поздоровавшись с уборщицей, подлетела к своему столу. Стол был чист. Она обшарила все вокруг. Заглянула под стол, на соседние столы, на подоконник, даже в мусорку. Папки нигде не было. Сердце забилося где-то в горле.

— Вы не видели? — кинулась она к уборщице. — Папку коричневую, с бумагами? Я вчера здесь сидела допоздна.

— Не видела, — равнодушно ответила женщина. — Я убиралась утром. Ничего не было.

Алиса выбежала в коридор. Мысли путались. Кто-то взял? Забрал по ошибке? Выбросил? Она заметалась по этажу, заглядывая во все аудитории, спрашивая у редких прохожих-студентов. Никто ничего не видел, никто ничего не знал.

Время шло. До встречи с Ириной Борисовной оставалось два часа. Алиса села на подоконник в пустом коридоре и попыталась вспомнить. Вчера она точно положила папку в рюкзак. Точно. Она помнила это движение — застегнуть молнию. Или не застегнула? Мысль путалась, дрожала, разбивалась на осколки. Она вытащила телефон и набрала Колю.

— Коля, привет. Ты вчера после меня уходил? Ничего не видел на моем столе?

— Не, — голос Колян был сонным. — Я ушел в шесть, ты еще сидела. А что случилось?

— Папка пропала. С эскизами. С курсовым.

— Какой ужас, — Коля удивился. — Может, кто взял по ошибке? Ты у наших спроси?

У наших. У кого — у наших? У Алисы не было «наших». Был Коля, была Инна из Воронежа, которая вечно молчала, был Дима с Урала, который вообще редко появлялся. И была Вика. Мысль пришла внезапно и противно кольнула где-то под ложечкой.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я пойду искать.

Она положила трубку и пошла в туалет. Нужно было умыться, взять себя в руки. В туалете было накурено. У зеркала стояли Света и Карина. Увидев Алису, переглянулись и захихикали.

— О, Лучница пришла, — протянула Света. — Че такая дерганая? Проект не сдала?

Алиса замерла. Света улыбалась, но глаза были злые, колючие.

— Вы ничего не видели? — спросила Алиса, хотя внутри уже все похолодело. — Папка коричневая, с эскизами. Может, кто находил?

— Папка? — переспросила Карина и снова хихикнула. — Нет, не видели. А что, потеряла что-то важное?

— Очень важное, — тихо сказала Алиса. — Курсовой.

— Ой, как жалко, — Света скорчила сочувственную мину. — Ну ты ищи, ищи. Вдруг найдется.

Они вышли, оставив Алису одну перед зеркалом. Она смотрела на свое отражение: бледное, испуганное лицо, темные круги под глазами, дрожащие губы. Случайность? Или нет? К одиннадцати часам Алиса пришла к Ирине Борисовне. Без папки. Без эскизов. Без надежды.

— Алиса, где работа? — удивилась преподавательница. — Я же просила принести.

— Я... — голос Алисы дрогнул. — Я потеряла. Вчера была папка, сегодня ее нет. Я всю ночь работала, честно. Я все переделаю, можно мне еще неделю?

Ирина Борисовна посмотрела на нее долгим взглядом.

— Алиса, я верю, что ты работала. Но сроки есть сроки. Если у всех будет «потеряла», что тогда делать? Ты понимаешь?

— Понимаю, — прошептала Алиса. — Но я правда...

— Хорошо, — вздохнула Ирина Борисовна. — Даю тебе три дня. В понедельник прине-сешь. Но учти: если опоздаешь, буду снижать балл. Иди работай.

Алиса вышла из аудитории и прислонилась к стене. Три дня. Три дня, чтобы восстановить то, что она делала две недели. Это возможно. Она справится. Она должна справиться.

Она пошла по коридору и наткнулась на Вику. Та стояла в компании своих, листала какой-то журнал. Увидев Алису, она подняла бровь и улыбнулась.

— О, Лучница, — пропела она. — Слышала, ты проект потеряла? Как неаккуратно. Учись вещи свои беречь.

Алиса остановилась. Посмотрела на Вику, на Свету с Кариной за ее спиной, на их ухмы-ляющиеся лица.

— Это ты, — тихо сказала Алиса. — Ты взяла.

Вика расхохоталась. Искренне, звонко, будто услышала лучшую шутку в жизни.

— Я? Солнце, у меня своих проектов вагон. Зачем мне твои каракули? Ты бы поосто-рожнее с обвинениями. А то знаешь, как бывает? Пальцем покажешь, а тебя саму за это зна-ешь куда?

Она подмигнула и пошла дальше, цокая каблуками. Алиса стояла в коридоре и смотрела ей вслед. У нее не было доказательств. Ничего не было. Только холодное, липкое чувство, что это только начало. Случайность? Закономерность? Она уже знала ответ.

Глава 8. Социальные сети как оружие

Три дня Алиса почти не спала. Она сидела в мастерской с утра до ночи, перерисовывая эскизы заново. Пальцы сводило от карандаша, глаза слезились от напряжения, но она не останавливалась. Каждая линия давалась с трудом — в голове было пусто, вдохновение исчезло, осталась только голая механика.

Она не ходила на пары, не отвечала на сообщения мамы, не разговаривала с Колей. Только работа, работа, работа. К вечеру воскресенья у нее было готово шесть листов из десяти. Не идеально, но приемлемо. Она надеялась, что Ирина Борисовна войдет в положение и примет хотя бы это.

В понедельник утром она пришла в университет с папкой (новой, дешевой, купленной в ларьке за сто рублей) и сдала работу. Ирина Борисовна полистала, нахмурилась, но кивнула.

— Три с минусом, Алиса. Могла бы лучше.

— Я знаю, — выдохнула Алиса. — Спасибо.

Она вышла из аудитории и впервые за три дня почувствовала, что может дышать. Все позади. Она справилась. Она даже улыбнулась своим мыслям. До обеда.

В столовой было шумно, как обычно. Алиса взяла поднос с супом и компотом и искала свободное место. Коля где-то потерялся, Инна болела, пришлось садиться одной, у окна. Она ела и листала ленту в телефоне. Обычное утро: коттики, новости, мемы. Потом она зашла в групповой чат потока. Там было сто тридцать семь новых сообщений. Странно. Обычно в чате тишина, только предупреждения о парах и редкие вопросы по учебе.

Алиса открыла чат. И замерла. Там было фото. Ее фото. Она сидела в библиотеке, уткнувшись носом в книгу, с открытым ртом. Кто-то снял ее крупным планом, в самый неудачный момент — глаза полузакрыты, рот приоткрыт, на подбородке блестит слюна. Выглядело это отвратительно. Но это было еще не самое страшное. Кто-то отфотошопил ее голову на тело коровы. Пятнистой, с выменем и хвостом. Внизу была подпись: «Лучница на выпасе. Провинциальное ГМО».

Алиса смотрела на фото и не могла отвести взгляд. Сообщения под ним летели одно за другим.

«Ору с этой коровы»

«Ну и страшная же она»

«Как такая вообще поступила?»

«Видели, как она жрет в столовой? Тоже как корова»

«Лучница прикольная, базара нет. Но страшная как смерть»

«Из Песчаного же, там все такие»

Сердце провалилось куда-то вниз, в желудок, смешалось с недоеденным супом. Она листала дальше, не в силах остановиться. Сообщения множились. Кто-то ставил смеющиеся смайлики. Кто-то присылал новые варианты фотошопа. Кто-то писал: «*Ребята, ну хороши уже, зачем вы так*», но эти сообщения тонули в общем потоке смеха.

Никто не написал: «*Уберите фото*». Никто не вступился. Никто не сказал: «*Это уже перебор*».

Алиса смотрела в экран и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Она подняла голову. Вокруг сидели люди. Ели, смеялись, болтали. Кто-то из них, может быть, сидел прямо сейчас в этом чате и писал очередную гадость. Кто-то из них видел это фото и ничего не сказал. Алиса встала. Поднос остался на столе. Она пошла к выходу, ничего не видя перед собой. В коридоре наткнулась на Колю.

— Эй, ты чего? — спросил он. — Бледная вся. Случилось что?

Алиса молча протянула ему телефон. Коля посмотрел, и лицо у него вытянулось.

— Какой ужас, — сказал он тихо. — Это кто сделал?

— Не знаю.

— Ты в чат заходила? Там же писали... — он запнулся. — Ты это... не обращай внимания. Дураки они. Удали фото, выйди из чата.

— И что это изменит? — спросила Алиса. — Фото останется. У всех в телефонах. И в голове.

Коля не нашелся что ответить. Алиса пошла дальше. В туалет. В свое убежище. Там, запершись в кабинке, она открыла чат снова. Сообщений было уже двести. Кто-то написал: *«Че, Лучница, выходи на связь, покажи фотосессию новую»*. Снова смеющиеся смайлики.

Она нажала на аватарку того, кто выложил фото. Это был фейк. Пустая страница, созданная сегодня. Без имени, без фото, без единого поста. Но Алиса знала. Она знала, кто это.

Она вышла из чата. Удалила приложение. Заблокировала все уведомления. Но фото осталось. Оно горело под веками, когда она закрывала глаза. Корова. Лучница. ГМО.

Весь оставшийся день она просидела в библиотеке. Не в той, где встречала Диму, а в другой, маленькой, на третьем этаже, куда почти никто не ходил. Там пахло пылью и тишиной. Там можно было спрятаться. Она не плакала. Слез не было. Была только пустота. Вечером в общаге Лиза сидела с телефоном и ржала.

— Слышь, Алис, — позвала она. — Ты видела, что в чате потока выложили? Это же ты! Корова! Офигеть, умеют же приколотся.

Алиса лежала лицом к стене и молчала.

— Эй, ты чего? — Лиза подошла ближе. — Обиделась, что ли? Да ладно, это же просто приколы. Шутка. Не бойся, все через это проходят. Вон меня на первом курсе вообще бабуином называли, потому что уши торчали. Подумаешь.

— Я не обиделась, — глухо сказала Алиса. — Я устала.

— Ну и правильно, — Лиза вернулась к телефону. — Забей. Шутки шутками, а жить надо.

Шутки. Алиса смотрела в стену и думала о том, как легко это слово — «шутка» — может убивать.

На следующий день в университете она чувствовала на себе взгляды. Кто-то отводил глаза. Кто-то, наоборот, пялился в упор и ухмылялся. Кто-то шептался за спиной. На первой паре к ней подсел Коля.

— Ты как?

— Нормально.

— Не ври.

— Я не вру, — Алиса смотрела прямо перед собой. — Я просто есть. Ем. Сплю. Хожу на пары. Все нормально.

Коля вздохнул и не стал больше спрашивать.

В коридоре, на перемене, она столкнулась с Викторией. Та шла в окружении своей свиты, вся такая сияющая, довольная. Увидев Алису, она замедлила шаг.

— О, Лучница, — пропела она. — Видела твою фотосессию. Классно получилось. Особенно вымя. Тебе идет.

Света и Карина захихикали. Алиса остановилась. Посмотрела Вике прямо в глаза.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она тихо. — Что я тебе сделала?

Вика удивленно подняла брови.

— Я? Солнце, ты с дуба рухнула? Я тут вообще ни при чем. У меня других дел полно, чем твои фоточки фотошопить. Ты бы поменьше паранойи, а?

Она усмехнулась и пошла дальше. Алиса стояла в коридоре, и вдруг что-то шелкнуло внутри. Паранойя. Может, и правда паранойя? Может, это просто кто-то пошутил, а она накручивает? Может, Лиза права — все через это проходят? Она почти поверила в это. До вечера.

Вечером Коля прислал ей ссылку. *«Зайди, если хочешь. Но лучше не заходи»*, — написал он.

Алиса зашла. Это была группа в VK, созданная сегодня. Называлась она «Лучница и ее приключения в большом городе».

Там было уже двадцать подписчиков. И три поста. Первый — то самое фото с коровой. Второй — ее фото в столовой, где она жадно ест суп. Подпись: *«Ну и аппетит у провинциальных. Хрю-хрю»*.

Третий — скриншот ее старой страницы из VK, где она еще в школе, с дурацкой прической и прыщами. Подпись: *«Эволюция Лучницы. Спойлер: она не эволюционировала»*.

Алиса смотрела на экран и чувствовала, как внутри закипает что-то темное, тяжелое. Она перевела взгляд на список участников. Аккаунты были в основном фейковые. Но некоторые — настоящие. Одногоруппники. Соседи по общежитию. Парни с параллельного потока. Даже Инна, тихая Инна из Воронежа, была в подписчиках. Алиса закрыла браузер. Убрала телефон. Легла лицом в стену.

Лиза красила ногти и слушала музыку. Таня, как обычно, торчала в наушниках. За окном шумела вечерняя Москва. Алиса лежала и смотрела в стену. Она думала о том, что социальные сети — это тоже оружие. И стреляют они больше, чем любой лук.

Глава 9. Голос молчания

Три дня Алиса делала вид, что ничего не происходит. Она ходила на пары, сидела на последнем ряду, не поднимала головы, не отвечала, даже когда спрашивали. В столовую не ходила — перебивалась бутербродами, которые тайком делала в общажной кухне, когда никто не видел. В библиотеку больше не заглядывала — слишком много людей.

Она стала тенью. Невидимкой. Но в интернете она была видима. Группа «Лучница и ее приключения в большом городе» росла. Там уже было шестьдесят подписчиков. Каждый день появлялись новые фото: Алиса в коридоре, Алиса на лестнице, Алиса с опухшими после бессонной ночи глазами. Кто-то следил за ней, снимал исподтишка и выкладывал.

Подписи становились злее.

«Лучница грустит. Видимо, корма не хватило».

«Лучница в естественной среде обитания — у стенок».

«Инсталляция "Дно". В главной роли Алиса из Песчаного».

Алиса перестала заходить в группу. Но уведомления приходили. Кто-то отмечал ее в комментариях. Кто-то присылал скриншоты в личку с подписью: *«Слышь, смотри, ржаса»*.

Она удалила приложение ВК с телефона. Но фото все равно всплывали — в чатах, в сторис, в пересылаемых сообщениях. Интернет помнил все. Коля злился.

— Да как они могут? — возмущался он в столовой, где они сидели вдвоем в самом углу. — Это же статья! Клевета, травля, вторжение в личную жизнь! Надо идти к декану!

— К декану? — Алиса горько усмехнулась. — И что я скажу? «Меня дразнят в интернете»? Они скажут — сама виновата, не выкладывай личное.

— Но ты же не выкладывала! Это они сфоткали!

— Какая разница.

Коля стукнул кулаком по столу, так что подпрыгнули вилки.

— Значит, надо к куратору. У нас же есть куратор группы! Елена Сергеевна! Она обязана помогать!

Алиса подняла на него глаза. Куратор. Да, Елена Сергеевна вела у них историю искусств, пожилая, уставшая, с вечным выражением легкого недовольства на лице. Она появлялась в группе раз в месяц, проверяла посещаемость и исчезала.

— Думаешь, поможет?

— А кто, если не она? — Коля был настроен решительно. — Пошли вместе. Я с тобой. Завтра же.

Алиса кивнула. Внутри что-то дрогнуло — маленький лучик надежды. Может быть, хоть кто-то в этом мире встанет на ее сторону?

На следующий день после пар они подошли к кабинету куратора. Дверь была приоткрыта, оттуда доносился голос Елены Сергеевны — она говорила по телефону.

— Ну я же сказала, отчет будет завтра. Да, да, помню. Нет, не соображу, у меня сейчас встреча со студентами. Все, пока.

Алиса постучала.

— Войдите!

Они зашли. Кабинет был маленький, заваленный бумагами. На стенах — портреты художников и постеры с выставок. Елена Сергеевна сидела за столом и смотрела на них поверх очков.

— Алиса? — удивилась она. — И Коля? Что-то случилось?

Алиса открыла рот, но слова застряли в горле. Она стояла и молчала, как рыба. Коля взял инициативу на себя.

— Елена Сергеевна, тут такое дело, — начал он. — У нас в группе... ну, в общем, Алису травят. В интернете. Фотошопят, группу создали, пишут гадости. Мы хотим, чтобы вы помогли.

Елена Сергеевна сняла очки и внимательно посмотрела на Алису.

— Травят? — переспросила она. — Что значит — травят?

Алиса наконец нашла голос:

— Фото выкладывают без спроса. Обзываются. В группе ВК обо мне пишут... гадости. Я не знаю, что делать.

Она достала телефон и показала куратору скриншоты — те, что сохранила на всякий случай. Коровя. Столовая. Комментарии.

Елена Сергеевна смотрела долго, листала, хмурилась. Потом вздохнула и отдала телефон обратно.

— Алиса, — сказала она устало. — Я понимаю, тебе обидно. Но давай смотреть правде в глаза: это просто дети.

— Что? — не поняла Алиса.

— Дети, — повторила Елена Сергеевна. — Они дурака валяют. Шутят. В их возрасте все так делают. Я помню, когда я училась, у нас тоже были свои... ну, не в интернете, конечно, но в стенгазетах рисовали, дразнили. Это проходит.

— Но это не просто шутки, — вмешался Коля. — Там уже шестьдесят подписчиков! И каждый день новые фото! Она даже в столовую боится ходить!

Елена Сергеевна подняла руку, останавливая его.

— Коля, не кипятись. Я понимаю, ты хочешь защитить подругу. Это похвально. Но давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны.

Она повернулась к Алисе:

— Алиса, ты сама как думаешь, почему они к тебе прицепились?

Алиса растерялась:

— Я... не знаю. Я им ничего не сделала.

— Вот именно, — Елена Сергеевна кивнула. — Ты им ничего не сделала. Но ты и не пыталась стать своей. Ты держишься особняком, молчишь, не участвуешь в общих делах. Это провоцирует. Дети не любят тех, кто выделяется.

— Я не выделяюсь, — тихо сказала Алиса. — Я просто тихо сижу.

— Вот видишь, — куратор развела руками. — Тихо сидишь. А надо быть проще, открытее. Шутить вместе со всеми, не обижаться. Тогда и травить перестанут.

У Алисы внутри все похолодело.

— То есть я сама виновата?

— Я этого не говорила, — Елена Сергеевна поправила очки. — Я говорю, что в любой ситуации есть две стороны. Ты можешь, конечно, пойти к декану, написать заявление. Но что это изменит? Ребятам сделают выговор, они обидятся, и травля станет только хуже. Ты этого хочешь?

Алиса молчала.

— Я тебе как женщина женщине советую, — голос Елены Сергеевны стал мягче. — Не обращай внимания. Проглоти. Улыбнись. Через неделю они найдут новую жертву и про тебя забудут. Всегда так было и всегда так будет. Это школа жизни.

Коля не выдержал:

— Школа жизни? Это называется буллинг! За это из школ исключают! А вы говорите — проглоти!

— Колян, — строго сказала Елена Сергеевна. — Я понимаю твой пыл. Но не учи меня жить. Я работаю здесь двадцать лет и знаю студентов лучше, чем вы оба вместе взятые.

Поверьте, самое лучшее — не раздувать из мухи слона. Алиса, ты девочка умная, красивая, талантливая. Не позволяй каким-то дуракам себя сломать.

Она встала, давая понять, что разговор окончен.

— Идите, ребята. У вас пары скоро. Алиса, если будут реальные угрозы — приходишь. А шутки в интернете... ну, удали группу из закладок и живи дальше. И улыбайся чаще. Это обезоруживает.

Они вышли в коридор. Алиса шла, ничего не видя перед собой. Колян плелся рядом и зло пинал ногой несуществующие камешки.

— Вот сука, — бормотал он. — Старая сука. Я же говорил — бесполезно. Им всем плевать.

— Она права, — вдруг сказала Алиса.

Коля остановился:

— Чего? Ты серьезно?

— Она права, — повторила Алиса. — Я сама виновата. Я слишком тихая. Слишком странная. Слишком провинциальная. Мне надо быть проще.

Она посмотрела на Колю пустыми глазами.

— Надо улыбаться, Коля. Улыбаться, когда хочется плакать. Проглотить и улыбнуться.

Она пошла дальше по коридору. Коля смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри закипает бессильная злоба. На Вику. На дурацкую группу. На куратора. На весь этот мир, который всегда на стороне сильных. Алиса шла к аудитории. Она шла улыбаться.

Вечером она зашла в группу «Лучница и ее приключения». Там было уже восемьдесят подписчиков. Новое фото: она выходит из кабинета куратора, с опущенными плечами и пустым взглядом.

Подпись: *«Лучница сходила к начальству. Думает, что ей помогут. Наивная».*

Алиса смотрела на фото и думала о том, что Елена Сергеевна ошиблась. Никто не найдет новую жертву. Потому что жертва — она. И это только начало.

Глава 10. Бойкот

После разговора с куратором Алиса честно попыталась последовать совету. Она улыбалась. В коридоре, когда мимо проходили одnogруппники, она растягивала губы в улыбке. В столовой, когда кто-то бросал взгляд в ее сторону, она старалась смотреть дружелюбно. На парах, когда Вика отпускала очередную шуточку, она делала вид, что ей не больно. Она улыбалась, пока не сводило скулы. Ничего не изменилось. Наоборот, стало хуже. Это началось незаметно.

В понедельник на паре по рисунку Алиса пришла в мастерскую и обнаружила, что все места заняты. Все до единого. Даже те, где обычно никто не сидел — у стены, с плохим светом, — были заняты чужими сумками и куртками. Она постояла в дверях, оглядывая аудиторию. На нее никто не смотрел. Все были увлечены разговором, рисованием, телефонами.

— А где мне сесть? — спросила Алиса в пустоту.

Тишина. Потом кто-то хмыкнул. Кажется, Света. Она прошла между рядами к своему обычному месту — последний стол у окна. Там сидел парень с параллельного, которого она видела в компании Вики. Он даже не поднял головы, когда она подошла.

— Извини, — сказала Алиса. — Это обычно мое место.

Парень медленно поднял глаза. Посмотрел на нее скучающим взглядом.

— Места не подписаны, — сказал он и снова уткнулся в телефон.

Алиса постояла еще секунду, потом развернулась и пошла к преподавателю.

— Ирина Борисовна, у меня нет места.

Ирина Борисовна оторвалась от бумаг и оглядела аудиторию.

— Ребята, освободите место. Неудобно же человеку.

Никто не шелохнулся.

— Я кому сказала? — повысила голос преподавательница. — Петров, убери сумку со стула.

Парень, которого называли Петровым, лениво убрал сумку. Но на стул не сел никто — он просто остался пустым. Алиса села. Вокруг было пустое пространство — как будто она была заразной.

Она достала карандаши и принялась рисовать. Со спины кто-то шепнул: «Чумная». Кто-то хихикнул. Алиса сжала карандаш так, что он хрустнул.

Во вторник повторилось то же самое. В среду — тоже. Она приходила на пары за пятнадцать минут до начала, но места вокруг нее все равно оказывались заняты. Люди просто садились плотнее, сдвигали стулья, оставляя ее в одиночестве.

На истории искусств она села на свободное место в центре — просто чтобы проверить. Рядом сидели две девчонки, с которыми она никогда не общалась. Когда Алиса опустилась на стул, они переглянулись, потом одна встала и пересела на другой ряд. Вторая колебалась и пересела следом.

Алиса осталась одна в окружении пустых стульев. Она смотрела прямо перед собой и делала вид, что ей все равно. Колян пытался сесть рядом, но его оттесняли, загораживали проход, отвлекали разговорами. Он злился, матерился сквозь зубы, но пробиться не мог.

— Это же стадо баранов, — говорил он Алисе в коридоре. — Им лишь бы быть как все. Лишь бы не выделяться. Вика пальцем ткнет, и они бегут.

— Не надо, — Алиса качала головой. — Не лезь. Сделаешь только хуже.

— Куда уж хуже? — Коля разводил руками. — Тебя уже как прокаженную обходят.

Он был прав. Это был бойкот. Настоящий, молчаливый, страшный. Никто не кричал на Алису. Никто не толкал. Ее просто не замечали.

В столовой она подходила к кассе — очередь перед ней смыкалась так, что невозможно было просочиться. Она брала поднос и искала место — столы были полны, но стоило ей при-

близиться, как люди начинали собирать вещи и уходить. Не демонстративно, а как-то естественно — будто они и так собирались.

Она садилась одна за стол, рассчитанный на четверых, и ела в тишине, чувствуя спиной взгляды. Никто не подсаживался. Никто не здоровался. Никто не заговаривал. Она стала невидимкой. Хуже — она стала пустым местом.

В общежитии было то же самое. Лиза, которая раньше хотя бы разговаривала с ней (пусть и свысока), теперь просто не замечала. Она красила ногти, болтала по телефону, смотрела сериалы — и делала вид, что Алисы не существует. Таня по-прежнему торчала в наушниках, но теперь, если Алиса заходила в комнату, она демонстративно отворачивалась к стене.

Общая кухня стала испытанием. Раньше Алиса готовила там по вечерам простые макароны или яичницу. Теперь, стоило ей войти, все разговоры смолкали. Люди забирали свои кружки и уходили. Если кто-то оставался, он просто молчал, глядя в телефон или в окно. Однажды у Алисы кончилась вода в чайнике. Она подошла к соседке, которая грела свой, и попросила:

— Можно долить? У меня закончилась.

Девушка даже не обернулась. Просто стояла и смотрела в стену, будто Алисы не существовало.

— Эй, — позвала Алиса. — Я с тобой говорю.

Тишина. Алиса постояла еще немного, потом развернулась и ушла. Воду она так и не попила. В комнате она села на кровать и устала в одну точку. Лиза красила ногти и что-то напевала.

— Лиза, — сказала Алиса. — Ты чего молчишь? Я тебе что сделала?

Лиза подняла глаза. Посмотрела на Алису долгим взглядом. Потом снова уткнулась в ногти.

— Не лезь ко мне, — бросила она. — Я с тобой не сижу.

— Почему?

— Потому что не хочу. Причины недостаточно?

Алиса замолчала. Внутри что-то оборвалось. Ночью она лежала и слушала, как Лиза перешептывается с кем-то по телефону.

— Да она странная, — шептала Лиза. — Ходит как привидение. Еще и Вика ее не любит. Зачем мне такие проблемы? Сама пусть разбирается.

Алиса смотрела в потолок и думала о том, что бойкот — это, наверное, самое страшное оружие. Бить не больно. Угрожать не страшно. Просто вычеркнуть человека из жизни. Сделать вид, что его нет. И он действительно исчезает.

В пятницу Коля поймал ее в коридоре.

— Слышь, — сказал он. — Я тут узнал. Это Вика всем сказала, что если кто с тобой сядет или заговорит — тот против нее. Она так со всеми делает, кто ей не нравится. Ты не первая.

— Я знаю, — Алиса пожала плечами. — Я уже догадалась.

— И что ты будешь делать?

— А что я могу сделать? — она посмотрела на него пустыми глазами. — Жаловаться бесполезно. Драться — не умею. Уехать — некуда. Буду просто... жить.

— Алис...

— Все нормально, Коля. Правда. Иди на пару.

Она ушла, оставив его стоять в коридоре. Коля смотрел ей вслед и думал о том, что она сильно похудела за последние недели. Что глаза у нее стали как у побитой собаки. Что она почти не улыбается, даже когда пытается. Что она исчезает прямо на глазах.

Глава 11. Сломанная вещь

Бойкот длился уже третью неделю. Алиса привыкла. К одиночеству в столовой, к пустым стульям вокруг, к молчанию соседей по общежитию. Она научилась не ждать звонков от мамы (потому что мама звонила сама, а Алиса врала про отличную учебу и верных друзей). Она научилась не смотреть в сторону Вики и ее свиты. Она научилась жить в вакууме.

Но был один уголок, где она все еще чувствовала себя собой. Мастерская. По ночам, когда университет пустел, а вахтерша тетя Зина уходила на обход, Алиса пробиравась в мастерскую и работала. Там, среди запаха красок, бумаги и клея, она забывала о Вике, о бойкоте, о группе «Лучница», которая разрослась уже до ста пятидесяти подписчиков.

Она рисовала. Это было единственное, что у нее осталось. В тот вторник она работала над макетом для итогового проекта по объемно-пространственной композиции. Задание было сложным — создать архитектурный макет здания в стиле конструктивизма. Материалы — пенокартон, пластик, дерево. Размер — не меньше полуметра в высоту. Оценка шла в диплом.

Алиса вложила в макет всю душу. Две недели она вырезала, клеила, шлифовала. Покупала дорогие материалы — на последние деньги, которые мама прислала на еду. Спала по четыре часа, чтобы успеть к сроку. Макет получался красивым. Даже Ирина Борисовна, которая обычно не хвалила просто так, задержалась возле него на паре и сказала:

— Алиса, это очень достойно. Чувствуется стиль. Если так продолжишь, на выставку можно будет отправить.

Алиса светилась от счастья. Вечером того же дня она оставила макет в мастерской — накрыла пленкой, чтобы не пылился, и поставила на свой стол. Завтра нужно было доделать мелкие детали, и можно сдавать. Она ушла домой почти счастливой. Впервые за долгое время.

Утром она пришла в мастерскую первой. Открыла дверь, включила свет и замерла. Макет лежал на полу. Она не сразу поняла, что это он. Серая груда обломков, перемешанная с осколками пластика и кусками пенокартона. Кто-то просто смахнул его со стола. А потом, судя по следам, еще и наступил несколько раз.

Алиса стояла в дверях и смотрела. Смотрела на стены, которые она вырезала вручную ночами. На крышу, которую клеила три раза, потому что никак не получалось ровно. На колонны, которые выпиливала из деревянных реек и шлифовала наждачкой до гладкости. Все это лежало на полу вперемешку с мусором.

Кто-то прошел мимо нее в коридор. Кто-то сказал. Засмеялся. Алиса не слышала. Она подошла к столу. Опустилась на колени. Подняла один из обломков — кусок стены с окном, которое она так старательно вырезала канцелярским ножом. Он рассыпался в пальцах. Руки задрожали.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет, нет, нет...

Она перебирала обломки, пытаясь найти хоть что-то целое. Но все было уничтожено. Кто-то сделал это тщательно, с наслаждением. Слезы потекли сами собой. Она даже не пыталась их вытереть. В мастерскую начали заходить люди. Кто-то ахал, кто-то шептался, кто-то проходил мимо, делая вид, что ничего не замечает.

— Ой, бедненькая, — раздался знакомый голос. — Какая неприятность.

Алиса подняла голову. В дверях стояла Вика. Рядом — Света и Карина. Вика смотрела на разгром с выражением легкого сочувствия на лице. Слишком легкого. Слишком фальшивого.

— Кто-то, видимо, неаккуратно проходил, — продолжала Вика. — Задел, упало, разбилось. Бывает. Ты не расстраивайся, Лучница. Новый сделаешь.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой — холодной, довольной. Алиса медленно поднялась с колен. В руках она все еще сжимала обломок стены.

— Это ты, — сказала она тихо. Голос сел, сорвался. — Ты это сделала.

Вика удивленно подняла брови.

— Я? Солнце, ты чего? Я только что пришла. Спроси у Светы. Спроси у кого хочешь. Мы вместе зашли, да, девочки? Света и Карина закивали, как китайские болванчики.

— Да мы только что пришли, — подтвердила Света. — А оно уже вот так. Наверное, сама плохо поставила, ветром сдуло.

— Каким ветром? — Алиса повысила голос. — Здесь нет ветра! Здесь окна закрыты!

— Ну не знаю, — Вика пожала плечами. — Может, мыши. В общаге же мыши есть, говорят. Перебежали, смахнули.

Она засмеялась. Ее смех разнесся по мастерской, отразился от стен. Алиса стояла посреди обломков и смотрела на нее. Внутри что-то перевернулось. Она сделала шаг вперед. Потом еще один.

— Ты... — начала она.

Но договорить не успела. В мастерскую вошла Ирина Борисовна. Увидела разгром, увидела Алису с обломком в руках, увидела Вику с ее свитой.

— Что здесь произошло? — спросила она строго.

— Макет упал, — быстро сказала Вика. — Алиса, наверное, плохо закрепила. Мы только вошли.

Ирина Борисовна посмотрела на Алису.

— Это правда?

Алиса открыла рот. Хотела сказать: «Они врут, они все врут, она специально, я знаю, я чувствую». Но вместо этого посмотрела на Вику. На ее спокойное, уверенное лицо. На Свету и Карину, которые синхронно кивали. На одноклассников, которые отводили глаза. Она поняла: доказательств нет. Никто не скажет правду. Никто не встанет на ее сторону.

— Да, — сказала она мертвым голосом. — Наверное, плохо закрепила.

Ирина Борисовна вздохнула.

— Алиса, я понимаю, ты расстроена. Но надо быть внимательнее. Макет — дорогая вещь, ты же знаешь. Сколько материала перевела. Теперь придется все переделывать. У тебя есть неделя.

— Неделя? — переспросила Алиса. — Но я две недели делала!

— Я не могу сдвигать сроки для всей группы, — твердо сказала Ирина Борисовна. — Неделя. И постарайся в этот раз ставить макет так, чтобы он не падал.

Она развернулась и вышла. В мастерской повисла тишина. Алиса стояла посреди обломков, сжимая в руке кусок стены. Вика подошла ближе. Наклонилась к самому уху.

— Слышь, Лучница, — прошептала она. — Ты думала, что твой талант тебя спасет? Ничего подобного. Талант — это просто вещь. А вещи можно сломать.

Она выпрямилась, улыбнулась и пошла к выходу. Свита потянулась за ней. У двери Вика обернулась:

— И да, удачи с новым макетом. Буду ждать на выставке.

Дверь закрылась. Алиса стояла одна посреди разгрома. Руки дрожали. В груди горело что-то темное, тяжелое, никогда раньше не испытанное. Она опустилась на корточки и начала собирать обломки. Один за другим. Как будто это могло что-то изменить.

Кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась. Коля. Он стоял с перекошенным от злости лицом.

— Я видел, — сказал он хрипло. — Я пришел рано и видел. Это Света. Она зашла, скинула макет, потом позвала остальных. Я успел спрятаться за шкафом.

Алиса смотрела на него.

— Ты видел?

— Да. Я могу подтвердить. Пойдем к Ирине Борисовне, скажем.

Алиса покачала головой.

— Не пойдем.

— Почему?!

— Потому что они скажут, что ты врешь. Потому что ты мой друг, и твои слова ничего не значат. Потому что у них — компания, а у нас — только мы.

Она продолжила собирать обломки. Коля стоял и смотрел, как она поднимает с пола куски своего труда, своей души, своей надежды.

— Алис, — сказал он тихо. — Ты чего? Ты плачь. Или кричи. Или иди бей морду. Но не молчи.

Алиса подняла на него глаза. Пустые, сухие, страшные.

— Я не могу, Коля. Я ничего не могу.

Она положила последний обломок на стол и вышла из мастерской. Колян остался стоять среди пустоты. В туалете Алиса заперлась в кабинке и просидела там до обеда. Она не плакала. Слез не было. Только пустота внутри и одна мысль, которая крутилась в голове как заезженная пластинка:

«Они сломали не макет. Они сломали меня».

Глава 12. Не тот парень

После того как разбился макет, Алиса перестала чувствовать время. Дни сливались в один бесконечный серый поток. Она вставала, шла в университет, сидела на парах, не слыша ни слова, возвращалась в общежитие, ложилась лицом к стене и снова вставала. Ела через силу, только чтобы не упасть в голодный обморок. Не рисовала — руки не слушались. Не думала — мысли вязли в вате.

Коля пытался ее растормошить. Приносил бутерброды, садился рядом, рассказывал глупые истории. Алиса кивала и улыбалась, но он видел: ее здесь нет. Она где-то глубоко внутри, в темноте, куда не доходит свет.

— Алис, ну пожалуйста, — уговаривал он. — Ну не убивайся так. Новый макет сделаешь. Лучше старого. Ты же талантливая.

— Талант можно сломать, — отвечала она словами Вики. — Это просто вещь.

Коля замолкал и отворачивался, чтобы она не видела его лица.

В субботу Алиса поехала в центр. Сама не зная зачем. Просто надо было выйти из общежития, из этого серого бетонного склепа, где каждый угол напоминал о том, что она здесь чужая. Она бродила по улицам, разглядывая витрины, которых не видела. Зашла в какой-то парк, посидела на скамейке, глядя на голубей. Купила кофе в автомате — горячий, безвкусный, обжигающий. Пила и смотрела, как мимо проходят люди. У всех были дела, друзья, смыслы. У нее не было ничего. Начинало темнеть. Пора было возвращаться. Она пошла к метро и вдруг услышала:

— Алиса?

Она обернулась.

Дима. Он стоял в нескольких шагах, в той же серой толстовке, с растрепанными волосами и удивленной улыбкой. В руках — большой тубус с чертежами и сумка через плечо.

— Ты? — сказал он и подошел ближе. — Вот так встреча. Ты что тут делаешь?

— Гуляю, — ответила Алиса. Голос прозвучал хрипло — она не разговаривала ни с кем, кроме Коли, уже несколько дней. — А ты?

— С проекта еду, — он показал тубус. — В выходные мастерская закрыта, а мне доделать надо. Вот думал в антикафе засесть, поработать. Там тихо и чай бесплатный.

Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у Алисы когда-то подкашивались ноги. Сейчас она просто смотрела на него и чувствовала... ничего. Пустоту.

— Слушай, — вдруг сказал Дима. — А пойдем со мной? Ну, в антикафе. Посидим, чай попьем. Ты какая-то бледная. Замерзла, наверное.

Алиса хотела отказаться. Хотела сказать: «Извини, мне пора», развернуться и уйти. Но ноги не слушались. Воздух стал холодным, руки дрожали, а впереди было пустое общежитие, Лиза с ее презрительным молчанием и стена, в которую можно смотреть до утра.

— Пошли, — сказала она.

Антикафе оказалось маленьким, уютным, с мягкими диванами и настольными играми на полках. Пахло печеньем и чаем. Дима взял им по кружке, принес вафли и устроился напротив.

— Ну рассказывай, — сказал он. — Как учеба? Как проект?

— Нормально, — Алиса пожала плечами. — Проект... сдала. Вернее, переделываю.

— А что случилось?

Она посмотрела на него. Рассказать? Зачем? Чтобы он пожалел? Чтобы посмеялся? Чтобы передал Вике?

— Ничего, — сказала она. — Неудачно поставила, упал.

Дима внимательно посмотрел на нее. Слишком внимательно.

— Алис, — сказал он тихо. — Я же вижу. Ты не в порядке. Что-то случилось?

— Ничего, — повторила она. — Правда. Просто устала.

Он не стал настаивать. Откинулся на спинку дивана, помешивая чай.

— Знаешь, я тебя в библиотеке искал, — вдруг сказал он. — Недели две назад. Думал, может, встречу. А ты пропала.

Алиса подняла глаза.

— Искал?

— Ну да, — он смутился. — Ты... мне показалось, с тобой интересно. Тихо так, спокойно. В библиотеке. Не то что в универе — вечно галдеж, суета, все друг перед другом выпендриваются. А с тобой можно было просто сидеть молча. И не напряжно.

Алиса смотрела на него и не верила.

— А как же... — она запнулась. — Ты же с Викой дружишь. С ее компанией.

Дима поморщился.

— Дружу? Ну, общаюсь. Она с моего потока, мы в одной группе были на первом курсе. Но дружим — это громко сказано. Просто... ну, знаешь, как бывает. Со всеми надо поддерживать отношения, чтобы не быть изгоем.

— Чтобы не быть изгоем, — эхом повторила Алиса.

— Ага. — Дима вздохнул. — Глупо, конечно. Но у нас на архитектуре свои расклады. Вика — она... ну, она может помочь, если захочет. Или навредить, если не захочет. Проще быть с ней в нормальных отношениях. Ты же понимаешь?

— Понимаю, — сказала Алиса. И правда понимала. Лучше, чем кто-либо.

Они замолчали. Пила чай, жевала вафлю, смотрела в окно на вечернюю Москву. И вдруг, впервые за долгое время, ей стало чуточку легче. Просто оттого, что рядом кто-то сидел и не требовал ничего. Не дразнил. Не игнорировал. Просто был.

— Слушай, — сказал Дима. — А давай еще как-нибудь встретимся? Ну, просто посидеть. Если хочешь.

Алиса посмотрела на него. Красивый. Добрый. Внимательный. Почему он не может быть просто другом? Почему он должен быть в компании Вики?

— Давай, — сказала она. — Если хочешь.

— Хочу, — улыбнулся он. — Тогда на следующей неделе? В среду? В это же время?

— Хорошо.

Он проводил ее до метро. На прощание махнул рукой и крикнул:

— До среды, Алиса! Не пропадай!

Она улыбнулась. Впервые за много дней.

В понедельник Алиса шла по коридору и вдруг услышала за спиной:

— Ну надо же, Лучница умеет улыбаться. А я думала, у нее лицо застыло в вечной гримасе жертвы.

Она обернулась. Вика стояла в компании Светы и Карины. И смотрела на нее. Не презрительно, не насмешливо, а как-то... изучающе. Холодно. Опасно.

— Чего тебе? — спросила Алиса.

— Мне? Ничего, — Вика пожала плечами. — Просто интересно стало. Где это ты так разублачалась в субботу? В каком таком антикафе?

У Алисы внутри все оборвалось.

— Откуда ты...

— Маленькая птичка напела, — перебила Вика. — Или большая. Света, это была большая птичка или маленькая?

— Большая, — хихикнула Света. — С тубусом.

Алиса похолодела. Они видели. Кто-то из них был там, в антикафе. Следил. Или просто случайно увидел. Но результат один.

— Ты про Диму, — сказала она. — Мы просто чай пили. Он мой... знакомый.

— Знакомый, — повторила Вика. — А Дима знает, что он твой знакомый? Или он думает, что он просто одноклассник, который проявил вежливость?

— Не твое дело.

Вика подошла ближе. Встала вплотную.

— Слушай сюда, Лучница, — сказала она тихо, чтобы слышала только Алиса. — Дима — это мое дело. Поняла? Мы с ним вместе тусим, вместе учимся, вместе в будущем работать будем. А ты кто? Никто. Провинциальная мышь, которая приползла в Москву и думает, что ей все можно. Так вот, нельзя. Запомни: Дима — не твой парень. И никогда им не будет. А если ты продолжишь с ним встречаться за моей спиной...

Она не договорила. Просто улыбнулась, отступила на шаг и сказала громко:

— Удачи, Лучница. Наслаждайся учебой.

Компания ушла. Алиса стояла в коридоре и смотрела им вслед. Внутри было пусто и холодно. И еще — противный липкий страх. Она знала, что Вика не шутит. И знала, что Дима, скорее всего, даже не узнает об этом разговоре. Потому что Вика не с ним будет воевать. Она будет воевать с ней. Как всегда.

В среду Алиса не пошла в антикафе. Она написала Диме: *«Извини, не могу. Много дел»*. И выключила телефон. Лежала на кровати, смотрела в потолок и слушала, как Лиза перешептывается с кем-то по телефону.

— Да она вообще чокнутая, — шептала Лиза. — Ни с кем не разговаривает, жрет в углу, на парах молчит. Диагноз. И еще к парням клеится. К Диме, представляешь? А он с Викой дружит. Ну куда она лезет?

Алиса закрыла глаза.

«Не тот парень», — подумала она. — «Не тот город. Не та жизнь. И я — не та девушка».

Глава 13. Слухи

После того разговора в коридоре Алиса знала, что Вика просто так не отстанет. Но она не представляла масштаба. Все началось с шепота.

На первой паре в четверг Алиса сидела на своем обычном месте — в углу, окруженная пустыми стульями. И вдруг заметила, что на нее смотрят. Не так, как раньше — с презрением или равнодушием. А как-то иначе. С интересом. С брезгливым любопытством.

Двое парней с ее потока переглянулись и заржали, прикрывая рты ладонями. Алиса отвела глаза. Показалось. На перемене она пошла в туалет. В коридоре перед дверью стояла компания девчонок. Увидев Алису, они замолчали и уставились на нее. А когда она проходила мимо, одна громко сказала:

— И не стыдно такой страшной?

Остальные захихикали. Алиса зашла в кабинку, заперлась и прижалась лбом к холодной двери. Что происходит?

К обеду она поняла. Она сидела в столовой, когда к ее столику вдруг подошел парень. Незнакомый, с параллельного потока. Сел напротив и уставился на нее в упор.

— Чего надо? — спросила Алиса, сжимая ложку.

— Да так, — он усмехнулся. — Интересно стало. Говорят, ты по парням тащишься. Это правда?

Алиса замерла.

— Что?

— Ну, слухи ходят. Что ты вешаешься на всех подряд. К Диме, говорят, клеилась. К Коле. К Петрову с третьего курса. Даже к Сергею с архитектуры, а он вообще страшный. Говорят, ты не брезгуешь.

Он говорил это спокойно, буднично, как обсуждают погоду. Алиса смотрела на него и не верила своим ушам.

— Это ложь, — сказала она. — Я ни к кому не...

— Да ладно, — перебил парень. — Ты не стесняйся. Каждому свое. Просто интересно: это правда, что ты готова на все, лишь бы с кем-то переспать? Типа, от отчаяния уже?

В голове зашумело. Кровь прилила к лицу, потом отхлынула, оставив ледяную пустоту.

— Пошел вон, — сказала Алиса. Голос дрожал.

Парень поднял руки в примирительном жесте.

— Ладно-ладно, не кипятись. Я ж по-доброму спросил. Вдруг договориться можно?

Он подмигнул и ушел. Алиса сидела за столом, сжимая ложку так, что побелели костяшки. Еда остывала. Вокруг шептались. Она встала и вышла. Поднос остался на столе.

К вечеру слухи разрослись до невероятных размеров. Алиса узнала об этом от Коли. Он ворвался в библиотеку, где она пряталась, красный, злой, с трясущимися руками.

— Ты знаешь, что они несут? — выпалил он. — Ты вообще в курсе?

— В курсе, — Алиса смотрела в книгу, не видя букв. — Мне уже сказали.

— Это кошмар, — Коля рухнул на стул напротив. — Они говорят, что ты... ну... что ты со всеми подряд. Что ты в общагу водишь, что ты предлагала себя Петрову, что ты с Димой уже... ну, ты понимаешь. И что якобы у тебя была какая-то болезнь, поэтому ты из своего города и уехала.

— Что? — Алиса подняла глаза. — Какая болезнь?

— Ну... — Коля замялся. — Типа венерическая. Я не знаю, Алис. Они такое несут, что волосы дыбом. Я одного послал уже, чуть в морду не дал. Но их много, а я один.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как внутри разрастается ледяная пустота.

— Это Вика, — сказала она. — Она обещала.

— Что обещала?

— Что если я продолжу с Димой общаться, она... Ну вот. Вот что.

Коля стукнул кулаком по столу.

— А Дима? Он знает? Он что-то делает?

Алиса горько усмехнулась.

— Дима? А что он сделает? Он с ними дружит. Он в их компании. Зачем ему проблемы из-за какой-то Лучницы?

Коля замолчал. Потому что она была права.

На следующий день слухи стали обрастать подробностями. Кто-то «видел», как Алиса целовалась с парнем на лестнице. Кто-то «слышал», как она договаривалась о встрече в общегитии. Кто-то «точно знал», что она делала аборт на первом курсе (хотя какой первый курс, она же только приехала — логика никого не волновала).

В групповом чате появился новый мем. Фото Алисы с подписью: «*Общажная принцесса. Бери любым*». В коридорах, когда она проходила, парни свистели вслед. Кто-то кричал: «Эй, Лучница, сколько берешь?». Кто-то просто ржал и показывал пальцем. Девчонки шарахались, как от прокаженной. Причем буквально — отступали в стороны, прижимая сумки, будто боялись заразиться.

Алиса перестала выходить из аудиторий на переменах. Сидела в классе, уткнувшись в телефон, делая вид, что читает. Но телефон не спасал — уведомления сыпались одно за другим. Ее отмечали в комментариях, присылали скриншоты, писали в личные сообщения гадости. Она заблокировала всех. Но новые аккаунты появлялись снова.

В субботу Алиса сидела в комнате одна. Лиза ушла к друзьям, Таня — неизвестно куда. Было тихо, только за окном шумела трасса. Телефон зазвонил. Мама. Алиса посмотрела на экран долгим взглядом. Не брать трубку нельзя — мама будет волноваться, начнет названивать Коле, поднимет панику. Придется врать.

— Привет, мам.

— Доченька, как ты? Что-то давно не звонила. Я уже волноваться начала.

— Все хорошо, мам. Учеба просто завал. Проекты, зачеты. Сама не своя.

— Ты кушаешь-то нормально? Деньги есть?

— Есть, мам. Все есть. Не волнуйся.

— А с ребятами как? Подружилась с кем-нибудь?

Алиса закрыла глаза.

— Да, мам. С ребятами хорошо. Подружилась. Все отлично.

— Ну слава Богу, — мама вздохнула с облегчением. — А то я переживала, что ты там одна. Ты же у меня такая тихая. А в Москве, говорят, люди злые.

— Нет, мам. Люди нормальные. Добрые.

— Ну и хорошо. Ты это... если что, звони. Мы с папой всегда поможем. Чем сможем.

— Спасибо, мам. Я люблю вас.

— И мы тебя, доченька. Целуем.

Алиса нажала отбой и уставилась в потолок. Слез не было. Была только пустота и одна мысль: если бы мама знала правду, она бы умерла.

В понедельник Алиса шла по коридору и вдруг столкнулась с Димой. Он шел с компанией — с теми самыми парнями, которые свистели ей вслед. Увидев Алису, он замедлил шаг. На лице появилось что-то странное — смесь вины, неловкости и... облегчения?

— Алиса, — начал он. — Слушай, я хотел...

— Не надо, — перебила она. — Все нормально. Иди.

— Но я...

— Иди, Дима. Правда.

Она прошла мимо, не оборачиваясь. Сзади кто-то из компании засмеялся:

— Димон, а че это она так с тобой? Неужели отказала? Ты же говорил, она на все согласна!

— Заткнись, — глухо ответил Дима.

Алиса шла дальше по коридору. В ушах шумело. В груди горело. Она знала, что Дима не виноват. Он просто слабый. Как и все они. Но легче от этого не было.

Вечером она зашла в группу «Лучница и ее приключения». Там было уже триста подписчиков. Новый пост: фото Алисы, выходящей из антикафе в тот самый вечер. С Димой. Подпись: *«Лучница на охоте. Добыча — Дима с архитектуры. Интересно, сколько она берет за час?»*

Комментарии пестрели грязью. Алиса смотрела на экран и думала о том, что это уже не просто травля. Это война. И она проигрывает.

Глава 14. Изнанка вечеринки

Приглашение пришло от Карины. Самой тихой из Викиной свиты. Той, которая обычно молчала в углу и только поддакивала. В среду вечером она подошла к Алисе в коридоре — подошла, когда рядом никого не было — и заговорила тихо, почти заискивающе:

— Алис, слушай... Я понимаю, что мы не общались. Но это все Вика, ты же знаешь. Я на самом деле не такая.

Алиса смотрела на нее настороженно.

— Чего тебе?

— Я хочу извиниться, — Карина опустила глаза. — Мы все вели себя как дуры. Вика... она просто привыкла командовать. Но я устала. Правда. Я хочу... ну, попробовать по-человечески.

Алиса молчала.

— В пятницу у нас вечеринка, — продолжила Карина. — На квартире у Вики. Соберется много народу. Будут ребята с курса, с архитектуры, с журфака. Музыка, танцы, все дела. Я поговорила с Викой, она сказала... ну, она сказала, что если ты придешь и не будешь выпендриваться, то она готова забить стрелку. Типа перемирие.

Алиса не верила своим ушам.

— Вика? Предлагает перемирие?

— Ну да, — Карина пожала плечами. — Она, знаешь, тоже устала от этой войны. Ей это надоело. Она хочет просто тусоваться и не париться. Если ты придешь, покажешь, что ты нормальная, без обид — все будет хорошо. Честно.

Алиса смотрела на Карину. Та стояла, переминаясь с ноги на ногу, и выглядела искренней. Немного забитой даже.

— Я подумаю, — сказала Алиса.

— Подумай, — кивнула Карина. — Будет весело. Правда. Адрес скину в личку.

Она ушла, оставив Алису в растерянности.

Весь вечер Алиса прокручивала в голове этот разговор. Перемирие. Вика предлагает перемирие. Может быть, Карина права? Может быть, Вика правда устала? Может быть, это шанс все закончить?

Коля, когда узнал, засмеялся ей в лицо.

— Ты серьезно? Ты веришь этой крысе? Алиса, она же подстилка Викина! Она слова без нее сказать не может! Это ловушка, сто процентов.

— А вдруг нет? — тихо спросила Алиса. — Я больше не могу, Коля. Я не могу так жить. Если есть хоть один процент, что это правда... я должна попробовать.

Коля долго смотрел на нее. Потом вздохнул:

— Хочешь, я с тобой пойду?

— Туда только по спискам, — Алиса покачала головой. — И потом, если я приду с охраной, это будет как недоверие. Я пойду одна.

— Алис...

— Все будет хорошо, Коля. Правда.

Она сама не верила в то, что говорит. Но выбора не было.

В пятницу вечером она надела единственное более-менее приличное платье черное, скромное, купленное еще дома на выпускной. Долго смотрела на себя в зеркало. Темные круги под глазами, впалые щеки, тусклые волосы. Она похудела за последние недели так, что платье висело мешком.

— Ну и ладно, — сказала она своему отражению. — Главное — перемирие.

Адрес вел в элитный дом в центре. Викина квартира оказалась на седьмом этаже, с консьержем и лифтом с зеркалами. Алиса поднялась, позвонила.

Дверь открыла Света.

— О, явилась, — сказала она с какой-то странной улыбкой. — Заходи, Лучница. Тебя уже заждались.

Из квартиры грохотала музыка. Басы долбили так, что вибрировали стены. Алиса вошла. Квартира была огромная. Дорогая. Дизайнерский ремонт, кожаные диваны, барная стойка, на стенах — постеры современных художников. Везде толпились люди. Человек пятьдесят, не меньше. Знакомые лица — с потока, с других курсов, с архитектуры. Кто-то пил, кто-то танцевал, кто-то просто сидел на полу и курил что-то пахучее. В центре зала, на огромном диване, восседала Вика. Увидев Алису, она расплылась в улыбке.

— О, Лучница! Пришла! А я уж думала, ты струсил. Иди сюда, не бойся.

Алиса подошла. Вокруг зашептались, но Вика шикнула на всех:

— Тихо! Это моя гостья. Сегодня мы все друзья. Правда, Лучница?

— Правда, — тихо сказала Алиса.

— Ну и отлично! — Вика хлопнула в ладоши. — Света, налей нашей гостье выпить. самого лучшего. Расслабься, Алис. Ты среди своих.

Света сунула Алисе в руку высокий бокал с чем-то сладким и очень крепким.

— пей давай, — сказала она. — За новый мир.

Алиса выпила. Жидкость обожгла горло и разлилась теплом в желудке. Стало чуть легче.

Музыка гремела. Кто-то дергал ее за руку, звал танцевать. Алиса отнекивалась, но улыбалась. Вика была сама любезность. Подходила, спрашивала, как дела, комментировала музыку, представляла каким-то людям, чьи имена Алиса не запоминала.

— Видишь? — шепнула Карина, оказываясь рядом. — Я же говорила. Все будет хорошо.

Алиса кивнула и позволила налить себе еще. Через час она перестала чувствовать время. В голове шумело, мысли путались. Кто-то снова дал ей бокал, она выпила. Потом еще. И еще. Она помнила, как танцевала. Как кто-то кружил ее, как смеялась, как вдруг стало легко и свободно. Впервые за долгие месяцы.

Потом музыка стала громче. Или тише? Она не понимала. Потом она оказалась сидящей на диване. Рядом были какие-то парни. Они что-то говорили, но слова расплывались.

— Алиса, — услышала она голос Вики. — Ты как? Нормально?

— Нормально, — ответила она. Или подумала, что ответила.

— Слушай, мы тут игру классную придумали, — голос Вики был близко, у самого уха. — Все играют, весело. Хочешь?

— Хочу, — кивнула Алиса. Ей хотелось, чтобы все были добрыми. Чтобы все закончилось.

— Тогда раздевайся, — сказала Вика.

Алиса заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Что?

— Игра такая, — Вика улыбалась. Своей обычной улыбкой. — Кто снимет с себя больше вещей, тот выиграл. Приз — бутылка шампанского. Давай, Лучница, не подведи. Ты же хотела быть своей?

Вокруг засмеялись. Много голосов. Много лиц, расплывающихся в тумане.

— Я не... — начала Алиса.

— Да ладно, не ломайся, — Света дернула ее за рукав. — Все свои. Мы тоже будем раздеваться. Правда, девчонки?

Кто-то закивал. Кто-то засвистел. Алиса попыталась встать, но ноги не слушались. Мир качался.

— Давай, Лучница, — голос Вики стал жестче. — Ты пришла мириться — мирись. Покажи, что ты не чуждая.

Чьи-то руки потянули платье. Алиса хотела закричать, но из горла вырвался только слабый хрип.

— Не надо, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Ой, да ладно, — Света засмеялась. — Не стесняйся. Тут все свои.

Платье поползло вверх. Алиса попыталась отбиваться, но руки были ватными. Кто-то держал ее за запястья. Кто-то смеялся. Кто-то снимал на телефон.

— Какая грудь... Ой, ну смешно, — комментировала Вика. — Лифчик бабушкин, с кружавчиками. Из Песчаного, да?

Вспышки. Щелчки затворов камер.

— А теперь трусы и лифчик, — скомандовала Вика.

— Нет, — Алиса дернулась, пытаясь прикрыться руками. — Нет, пожалуйста, нет...

— Держите ее крепче, — лениво сказала Вика. — Чего вы как слюняи?

Чьи-то грубые руки рванули последнюю одежду. Холод. Воздух на голой коже. Вспышки. Смех. Десятки глаз, смотрящих на ее тело.

— Ого, — чей-то пьяный голос. — А она ничего, кстати.

— Заткнись, — Вика. — Страшная как смерть. Просто для коллекции сойдет.

Алиса лежала на диване, голая, прикрываясь руками, и смотрела в потолок. Люстра кружилась. Голоса звучали как сквозь вату.

— Сфоткайте ее в полный рост, — командовала Вика. — И в профиль. Для истории.

Щелк. Щелк. Щелк.

— Отпустите, — прошептала Алиса. — Пожалуйста, отпустите.

Никто не слышал. Или всем было все равно. Потом кто-то кинул в нее платьем.

— Одевайся, Лучница. Наигрались. Свободна.

Она дрожащими руками натянула платье. Пальцы не слушались, молния не застегивалась. Кто-то засмеялся. Она встала. Ноги подкосились. Чья-то рука поддержала, а потом грубо толкнула к двери.

— Вали отсюда. И не вздумай рыпаться. Если хоть слово кому — фото пойдут во все группы. Поняла?

Алиса обернулась. Вика стояла в центре комнаты, окруженная своей свитой, и улыбалась. Та же улыбка. Довольная. Сытая.

— Ты... — начала Алиса.

— Я предупреждала, Лучница, — перебила Вика. — Дима — не твой. И вообще, ты здесь никто. Теперь у нас есть доказательства. Так что будь хорошей девочкой и сиди тихо.

Алиса вышла в коридор. Лифт. Улица. Холодный ночной воздух, ударивший в лицо. Она шла, не разбирая дороги. Ноги несли сами. Мимо проносились машины, кто-то кричал вслед, но она не слышала. Она шла и смотрела перед собой пустыми глазами. Внутри ничего не было. Стыд придет потом. Боль придет потом. Сейчас была только ледяная пустота и одно слово, стучащее в висках: «Сломали».

В общежитие она вернулась под утро. Лиза спала. Таня в наушниках, как всегда. Алиса разделась, залезла под душ и включила ледяную воду. Стояла под струями, пока кожа не посинела. Потом легла на кровать лицом к стене и закрыла глаза. В телефоне, который она не включала, уже были сотни уведомлений. Фото разлетались по чатам. Но ей было все равно.

Глава 15. Звонок маме

После той ночи Алиса перестала существовать. Она ходила на пары, потому что надо. Садилась на свое место, потому что так принято. Смотрела в доску, потому что там что-то писали. Но внутри была пустота. Абсолютная, черная, вымораживающая.

Она не ела. Не потому, что не хотела — просто забывала. Желудок сжался и перестал подавать сигналы. Она не спала. Лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, пока за окном не начинало светать.

Фото разлетелись. Она знала это, даже не заходя в интернет. По взглядам в коридоре. По шепоту за спиной. По тому, как парни теперь смотрели на нее — не с презрением даже, а с каким-то липким, брезгливым любопытством. Как на вещь. В групповых чатах ее отмечали в новых постах. Кто-то сделал мем из ее фотографии. Кто-то написал: *«Лучница теперь без перьев. Полная версия в личку за 100 рублей»*.

Она удалила все приложения. Выкинула сим-карту. Купила новую, чтобы не видеть уведомлений. Но фотографии остались. Они жили своей жизнью. Пересылались, сохранялись, комментировались. Алиса знала: это навсегда.

Прошло три дня. Или четыре. Она потеряла счет. Коля приходил, садился рядом, что-то говорил. Она кивала, но не слышала. Он тряс ее за плечи, заставлял пить воду, есть бутерброды. Она подчинялась механически, как робот.

— Алис, ну пожалуйста, — умолял он. — Ну не молчи. Скажи хоть что-нибудь. Я пойду в полицию. Я пойду к ректору. Я их всех...

— Не надо, — сказала она впервые за долгое время. — Бесполезно.

— Но они же...

— Коля, уйди. Пожалуйста. Я хочу одна.

Он уходил. Возвращался через час. И снова уходил.

Алиса сидела в библиотеке, в самом дальнем углу, где никто не ходил. Смотрела в стену и думала. Думала о том, что мама была права. Москва — злой город. Что она не справилась. Что она слабая, глупая, провинциальная. Что Вика выиграла. Что жить больше незачем.

В пятницу вечером телефон зазвонил. Алиса посмотрела на экран. Мама. Она смотрела на фото мамы — улыбающаяся, в платке, на фоне их маленького домика — и чувствовала, как внутри что-то разрывается. Она хотела ответить. Хотела закричать в трубку: «Мама, забери меня отсюда! Мама, они меня убили! Мама, я больше не могу!» Она нажала на ответ.

— Алло, доченька! — голос мамы был радостным, звонким. — А я тебе звоню, звоню, а ты не берешь. Уже волноваться начала. Как ты там?

Алиса открыла рот. И не смогла произнести ни слова.

— Алис? Ты чего молчишь? Слышно меня?

— Слышно, — выдавила она. Голос сел, охрип.

— Что с голосом? Простыла? Я же говорила, одевайся теплее. В Москве ветра, не то что у нас.

— Не простыла. Все нормально.

— Ну и хорошо. А я чего звоню — папа привез с рынка яблоки, такие вкусные. Я думаю, может, посылку тебе собрать? Сухофруктов, орешков? Ты же там, поди, полуфабрикатами питаешься.

— Мам... — Алиса зажмурилась. — Мам, я...

— Что, доченька?

Слова застряли в горле. Как их сказать? Как объяснить, что ее раздели, сфотографировали голой и выложили в интернет? Что одноклассники шарахаются, как от чумы? Что жить не хочется?

— Я... скучаю, — выдохнула она.

— И мы скучаем, родная. Но ты же у нас умница, ты справишься. Учеба же хорошая? Преподаватели хвалят?

— Хвалят.

— Ну вот видишь. А с ребятами как? Подружилась?

Алиса закрыла глаза. Перед глазами встали лица. Вика, улыбающаяся. Света, срывающая одежду. Карина, отводящая глаза. Парни с телефонами.

— Подружилась, — сказала она.

— Ну и славно. Ты главное не стесняйся, будь проще. У нас вон я на заводе тоже сначала со всеми не ладила, а потом ничего, притерлись. Главное — характер показывать. Чтобы знали, что ты не тряпка. Терпи, дочка. Ты же взрослая уже. Учись выстраивать отношения.

— Терпи, — повторила Алиса.

— Да. Все через это проходят. И ничего, живы-здоровы. Ты у меня сильная, я знаю.

Алиса смотрела в стену библиотеки. Серую, облупившуюся, с надписями, оставленными студентами. Кто-то написал маркером: «Все будет хорошо».

— Сильная, — повторила она.

— Ну все, доченька, целую. Ты кушай хорошо, не экономь. Деньги пришлем. Как будут, так сразу. Любим тебя.

— Я вас тоже, мам. Пока.

Она нажала отбой и долго сидела, глядя на погасший экран. Терпи. Будь проще. Выстраивай отношения.

Мама не знала. Мама не могла знать. Мама думала, что дочка в безопасности, в хорошем университете, среди хороших людей. Мама верила в светлое будущее.

Алиса убрала телефон в карман. Замок шелкнул где-то глубоко внутри. Последняя дверца, за которой еще теплилась надежда на спасение, захлопнулась. Она не расскажет. Никому. Она сама справится. Или не справится — какая разница?

В общежитие она вернулась поздно. Лиза красила ногти и даже не подняла головы. Таня в наушниках смотрела в ноутбук. Алиса легла на кровать, лицом к стене. В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение. Она не стала смотреть. Знала, что там. Очередное фото, очередной комментарий, очередная гадость.

Она закрыла глаза. В голове крутились мамины слова: «Терпи, дочка. Ты же взрослая». Взрослая. Взрослые не плачут. Взрослые не жалуются. Взрослые терпят. Она будет терпеть. Сколько сможет.

Глава 16. Невидимка

После того звонка что-то сломалось окончательно. Алиса перестала вставать по утрам. Не то чтобы она решила не ходить на пары. Просто в понедельник утром она открыла глаза, посмотрела на серый потолок общежития, на свет, пробивающийся сквозь грязное окно, на Лизу, которая красила ресницы перед зеркалом, и поняла: не могу.

Она просто не могла заставить себя подняться. Тело стало ватным, тяжелым, будто налитым свинцом. Каждое движение требовало нечеловеческих усилий. Даже дышать было трудно. Она закрыла глаза и провалилась обратно в сон.

— Ты что, спишь? — голос Лизы пробился сквозь пелену. — Пары через час.

Алиса не ответила.

— Ну и оставайся, — Лиза пожала плечами и вышла, хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Лежала, глядя в стену, и слушала тишину. Где-то за стеной гремели ведра уборщицы. В коридоре кто-то кричал: «Ленка, пожрать дай!». Жизнь шла своим чередом. Мимо нее.

Она снова закрыла глаза. Во вторник повторилось то же самое. И в среду. Коля названивал, писал, стучался в дверь. Алиса не открывала. Лежала, глядя в потолок, и слушала, как он кричит за дверью:

— Алис! Алиса, открой! Я знаю, что ты там! Ты хоть ешь что-нибудь?

Она молчала. Потом его голос стихал. Он уходил. Возвращался через несколько часов. Снова стучал. Снова кричал.

— Алис, ну пожалуйста! Я не уйду!

Она не открывала. Он уходил. В четверг она попыталась встать. Голова закружилась так, что пришлось ухватиться за стену. Ноги подкашивались. В зеркале напротив она увидела чужое лицо — осунувшееся, серое, с темными кругами под глазами и запекшимися губами.

— Это я? — спросила она вслух.

Зеркало не ответило. Она добрела до кухни, налила воды из-под крана, выпила. Желудок скрутило спазмом. Она согнулась над раковиной, но вырвать было нечем. Вода. Последние три дня она пила только воду. На столе в кухне кто-то оставил недоеденную булку. Алиса взяла ее, откусила кусок, прожевала с трудом. Еда показалась безвкусной, как картон. Она вернулась в комнату и снова легла.

В пятницу в дверь постучали. Не Коля — стук был другой, уверенный, требовательный.

— Алиса, открой. Комендант.

Она не шевельнулась.

— Алиса, я знаю, что ты там. Если не откроешь, вызову охрану и взломаем дверь. У тебя есть три минуты.

Она встала. Медленно, держась за стены, подошла к двери. Открыла. На пороге стояла женщина в строгом костюме — комендант общежития, та самая, которую все боялись. За ее спиной маячила баба Зина с вахты.

— Так, — комендант окинула Алису взглядом с ног до головы. — Ты на занятия ходишь?

— Нет, — сказала Алиса. Голос прозвучал хрипло, чуть слышно.

— Почему?

Алиса молчала.

— Я спрашиваю: почему ты не ходишь на занятия? Уже неделя пропусков. С факультета звонили, интересуются. Давай объясняй.

— Я болею, — сказала Алиса.

— Чем болеешь?

— Не знаю. Просто болею.

Комендант смотрела на нее долгим, тяжелым взглядом. Потом перевела глаза на комнату — на неубранную кровать, на пустые бутылки из-под воды, на грязную одежду, разбросанную по полу.

— В общем так, — сказала она. — Даю тебе три дня. Если за три дня не принесешь справку от врача, что ты болеешь — будешь отчислена за прогулы. Ясно?

— Ясно, — кивнула Алиса.

— И приберись здесь. Свиарник развели. Соседи жалуются.

Она развернулась и ушла. Баба Зина задержалась на секунду, посмотрела на Алису жалостливо, хотела что-то сказать, но только вздохнула и пошла за комендантом.

Алиса закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Справка от врача. Она сползла по двери на пол и долго сидела так, глядя в одну точку.

В субботу пришел Коля. Она не открыла, но он не уходил. Сел под дверь в коридоре и закурил.

— Я знаю, что ты там, — сказал он громко. — И я никуда не уйду. Можешь не открывать. Я тут посижу.

Алиса лежала на кровати и слушала его голос.

— Знаешь, я вчера ходил к Ирине Борисовне, — говорил Коля. — Сказал, что ты болеешь. Она сказала, приноси справку. Я сказал, что справка будет. Вру, конечно.

Пауза.

— Алис, я понимаю, что тебе плохо. Я даже представить не могу, как плохо. Но ты не одна. Я же рядом. Ты только открой.

Тишина.

— Ну ладно. Я посижу тут. Если что — кричи.

Он сидел под дверь до вечера. Иногда говорил что-то, иногда просто молчал. Алиса лежала и слушала его дыхание. Единственное живое напоминание о том, что мир не рухнул окончательно.

Потом он ушел. Сказал, что вернется завтра. Вернулся. И послезавтра тоже. Она не открывала. Учеба перестала существовать. Алиса не думала о проектах, о зачетах, о дипломе. Все это казалось бесконечно далеким, ненастоящим, неважным. Зачем рисовать, если твои рисунки никому не нужны? Зачем стараться, если тебя все равно сломают?

За окном сменялись дни. Солнце — дождь — солнце. Она перестала замечать. Телефон разрядился и лежал мертвым грузом на тумбочке. Коля оставлял еду под дверь — она забирала, когда никто не видел. Ела через силу, без вкуса, только чтобы заткнуть урчание в желудке. Она стала тенью. Невидимкой.

В комнату Лиза и Таня заходили редко. Разговаривали шепотом, будто ее уже не было. Иногда Лиза бросала косые взгляды на кровать, где лежала Алиса, и быстро отворачивалась. Может, ей было стыдно. Может, плевать. Какая разница.

На десятый день затворничества Алиса вдруг поняла: она перестала чувствовать время. Она не знала, какой сегодня день недели, число, месяц. За окном было серо — значит, день. Темно — значит, ночь. Иногда она засыпала и просыпалась, и снова засыпала, и снова просыпалась, и не могла отличить одно от другого.

Мысли текли медленно, вязко, как патока. Она думала о доме. О маминых пирожках. О папиных руках, пахнущих бензином. О Ленке и Катке, которые не пришли на вокзал. О том, как глупо она мечтала о Москве. Она думала о Вике. О ее улыбке. О вспышках камер. О холоде на голой коже. Она думала о том, что, наверное, так и должно было случиться. Потому что слабые всегда проигрывают. Потому что провинциальные мыши не выживают в большом городе. Потому что она сама виновата — надо было быть проще, улыбаться чаще, не высываться. В какой-то момент она перестала думать вообще. Просто лежала и смотрела в стену.

Коля стучал каждый день.

— Алис, я принес суп. Нормальный, горячий, из столовой. Положил под дверь. Съешь, пожалуйста.

— Алис, сегодня солнце. Ты бы вышла, подышала.

— Алис, я нашел врача. Она придет, если надо. Только открой.

— Алис, я тебя не брошу. Слышишь? Не брошу.

Она слышала. Но ответить не могла. Где-то глубоко внутри, на самом дне, еще теплилась искорка. Та, что заставляла ее когда-то рисовать, мечтать, верить. Но искорка почти погасла. Она лежала и ждала, когда погаснет совсем.

Глава 17. Случайный союзник

На семнадцатый день затворничества Алиса потеряла счет времени окончательно. Она уже не знала, утро сейчас или вечер. Не помнила, когда ела в последний раз. Тело существовало отдельно от сознания — тяжелое, чужое, непослушное. Она лежала на кровати и смотрела в стену. Часами. Днями. Вечностью.

Коля приходил каждый день. Стучал, говорил, оставлял еду. Иногда она забирала. Иногда еда так и оставалась стоять под дверью, пока уборщица не выбрасывала.

На семнадцатый день стук в дверь был другим. Не Коля — тот стучал коротко, нервно, три раза. Этот стук был спокойным, уверенным, но каким-то... осторожным. Как будто человек не хотел напасть.

— Алиса? — голос был незнакомым. Мужским. Молодым. — Алиса, вы здесь? Меня зовут Алексей Дмитриевич. Я веду у вас историю искусств. Помните меня?

Она помнила. Молодой преподаватель, который пытался растормошить аудиторию, который шутил, который... она вспомнила, как Вика сорвала ему лекцию, а он промолчал. Как все они промолчали.

Алиса не ответила.

— Алиса, я знаю, что вы там. Комендант сказала, что вы не выходите уже две недели. Я пришел не ругаться. Просто поговорить.

Тишина.

— Можно я войду? Я один. Честно.

Она не шевелилась. Но почему-то рука сама потянулась к замку. Щелчок. Дверь приоткрылась. Алексей Дмитриевич стоял в коридоре. Молодой, лет тридцати, в простой серой кофте, без пиджака, без официального вида. В руках пакет с продуктами. Увидев Алису, он моргнул, но лицо осталось спокойным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.